

ДЛЯ
ГАРИМА

ПОЙТИ
ТУДА...

кофейное ЧТЕНИЕ

Дия Гарина

Пойти туда...

Серия «Пойти туда», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=638205
Пойти туда...: Гаятри; 2005
ISBN 5-9689-0010-5

Аннотация

«Пойти туда» – остроумная и увлекательная история одного отпуска, во время которого главный герой Игорь не столько отдыхает от суеты города, сколько... от шумного двадцатого века и даже от собственного тела! Таинственным образом, осознав себя в роли средневекового воина, Игорю приходится учиться управлять новым телом, которое, однако, не спешит подчиняться его желаниям и командам. Поневоле насовершаешь подвигов...

Содержание

Глава I	4
Глава II	53
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Дия Гарина

Пойти туда...

Глава I

Из приятных предрассветных грез меня нагло и беспринципно вырвал оглушительный автомобильный сигнал. Первым инстинктивным желанием было, не открывая глаз, доползти до балкона и сбросить на тарантас этого горниста остатки голубой эмали, что еще с прошлого года, безнадежно ждали окончания ремонта. Весьма вероятно, что при продолжении концерта желаемое плавно переросло в действительное, если бы ехидный Витькин голос с улицы не прокомментировал:

– Ну, вы, блин, даете! Я, конечно, знал, что все люди делаются на жаворонков и сов, а вот про сонь в этой классификации не упоминалось. Какого черта! Уже 6 утра. Мы давно должны были тронуться.

– Вот ты сейчас у меня и тронешься, – раздался хриплый голос соседа сверху.

Стоя на балконе и глядя на застывшего внизу Витьку, я едва успел краем глаза заметить стремительное падение неопознанного летающего объекта, который со звоном приземлился в двух шагах от моего друга детства, обдав его фонта-

ном пивных брызг. Но смутить Витьку Курицына было труднее, чем научить эту самую курицу летать. Носком тяжелого туристского ботинка он поддел один из осколков и тяжело вздохнул.

– «Золотая бочка» – надо чаще встречаться. Вот именно чаще. А то раз в полгода видимся, потому некоторые и забывают, что договорились сегодня ровно в 5:30 тронуться, в смысле отчалить.

Мимо, утопив меня в арбузно-дынном аромате дорожных духов, проплыла Ольга, и умильно сложив на груди пухлые ручки, проворковала:

– Витенька, зайчик, не сердись! Мы – уже, мы – сейчас. Только вещи вынести и одеться.

– А может, наоборот, сначала одеться... – опешил Витька, – Ладно, жду вас в машине, но чтобы через пять минут как штык...

Вещи у нас, и, правда, были собраны с вечера. Вообще, если бы не моя дорогая половина, этой авантюры не было и в помине. Ну, посудите сами: я, можно сказать, последний месяц на Родине перед трехгодичным контрактом у проклятых буржуинов. Отпуск еще не отгулял. Столько всего надо сделать, и, самое главное, подзубрить английский. Так нет же. Ей, видите ли, хочется вновь, как в бурной юности вкусить романтики. Она, я и костер. И что самое скверное, подбила Витьку. Ему я отказать просто не мог: он два года меня пилил, и вырвал-таки из моих пьяных уст святую клятву «пой-

ти с ним на край света и вернуться». В общем, ищите женщину. Для меня до сих пор остается загадкой, почему все знакомые мужчины не могут отказать Ольге. Да не в том смысле! Просто стоит ей подойти поближе, посмотреть в глаза, взять за руку и тихо так попросить – все! Клиент готов. Правда, надо отдать ей должное, просит она только в случае крайней необходимости, но устоять не может никто... Кроме меня.

Пока я натягивал джинсы и искал под кроватью второй носок, на совесть припрятанный нашей овчаркой, из кухни потянулся аромат натурального кофе. Эта роскошь станет для нас на целых две недели недоступной. Будем травиться растворимым. Залетев на кухню, я понял, что побриться уже не успею. И черт с ним, – буду бороду отращивать. Романтика, так по полной программе.

Ольга ожидала на кухне вместе с двумя дымящимися на столе чашками. Полностью экипированная. Я всегда поражался ее умению мобилизоваться. В конторе про нее даже поговорка сложилась «Ольга как Безначальное Дао, никогда не торопиться, но всегда успевает». Пока мыл чашки, счастливая Альфа вертелась у входной двери, от радости сбивая хвостом, все до чего он мог дотянуться. Погоди толстушка, еще вспомнишь про магазинные котлетки, от которых гордо отказывалась. Ты у меня быстро на хлебе и воде похудеешь. Ружье я само собой беру, но подстрелить в лесу дичь особо не надеюсь – не сезон. И потом, я больше привык по уткам.

Мы вылетели из подъезда, ожидая застать Витьку с часа-

ми в руках укоризненно качающим головой. Однако, в первый момент мы его вообще не увидели. Потом, огибая машину, чуть не оттоптали Витькины ноги, вызывая торчащие из под заднего бампера.

– Мы что, уже никуда не едем? – упавшим голосом спросила жена.

– Да, нет, все нормально. Обычный ТО перед дальней дорогой. Грузитесь, – донеслось снизу.

Ну, мы и загрузились. После этого Витькин «Жигуль» стал сильно напоминать помесь зеленого мастодонта и трамвая в час пик. До сих пор не пойму: как получилось, что я оказался на заднем сидении зажатый между Ольгиным рюкзаком и счастливой Альфой, которая от нетерпения никак не могла улечься и периодически наваливалась на меня всеми 45 килограммами своего собачьего веса. Замуровали, демоны.

Пока пробирались через дворы, я тщетно пытался вспомнить, не забыли ли мы что-нибудь важное, так как был уверен, что половину менее важного все равно забыли. Вдруг Ольга, блаженствующая на переднем сидении, издала полувоплъ-полустон:

– Стой, Витя! Стой. Я за....

Услышав ее «Стой», Витька так вдарил по тормозам, что Ольга, чуть не вышибла лобовое стекло, Альфа свалилась на пол, а я попытался забодать переднее сидение.

– Ну, ты... – вырвалось у Витьки. Однако продолжить он

не успел: Ольга обняла его богатырскую шею и стала мелко целовать доступные фрагменты лица, периодически вскрикивая:

– Извини! Ну, Витенька! Прости, пожалуйста, я больше так не буду. Ну, пожалуйста. Я просто хотела сказать, что нам нужно вернуться. Игорек! (А это уже ко мне). Извини, я забыла твой плеер с кассетами.

– Это что, так важно? – пропыхтел наш водитель, всем своим видом выражая разочарование в интеллекте семьи Семеновых.

– Да, – ответил я, – это кассеты с английским. Мне нужно практиковаться, иначе пошлют кого-нибудь другого. И гуд бай, Америка, о-о-о!

– Плохая примета, Ольга! Не забудь в зеркало посмотреться, может и пронесет...

Виктор развернулся полицейским разворотом, и мы вернулись туда, откуда начали, то есть к подъезду.

Пока Ольга бегала за кассетами, а мой друг детства философствовал на тему «женщины и высокие технологии», я безуспешно пытался найти в себе, хотя бы одну положительную эмоцию. Нет, не мое это мероприятие. Мы (в смысле я) чужие на этом празднике жизни, и винить абсолютно не кого. В том числе и себя. Кто виноват в том, что давно уже не горю, а помаленьку тлею? Возраст? Да, мне 38, —последний приступ молодости, если верить Ильфу и Петрову. Какие метаморфозы сотворило со мной обнаглевшее время? Почему,

глядя на Ольгу, с которой прожил 12 лет, (и не плохих, по началу так даже прекрасных) вижу морщинки у нее на лице, огрузневшую с рождением сына фигуру. Даже глаза ее, которые горят по-прежнему, вызывают уже совсем иные чувства. Привычка свыше нам дана? Никогда не думал, что доживу до этого: еду с любимой женой и закадычным другом за туманом, а на душе такой туман...

А, вот и Ольга. Наконец-то! Теперь можно отложить самокопание и заняться своими прямыми обязанностями – воспитанием жены. Будет знать, как забывать мужнины вещи!

«Жигули» медленно, но верно утюжили полотно российского хайвэя. Витька, видимо, никуда не спешил. Кстати, неплохо бы узнать, в какое именно никуда мы так не торопимся.

– Вить-к, а Вить-к, рассказал бы что ли, куда и зачем вас с Ольгой черт понес. Так для разнообразия: чтобы не уснуть за рулем.

Витька как-то подозрительно дернулся и украдкой тернул глаза:

– Оборони царица небесная. А разве Ольга тебе не рассказала?

– Да рассказывала я ему сто раз. И каждый раз он делал такое же удивленное лицо, как контрабандист, попавшийся на таможне.

– Ну что ж, тогда для особо одаренных повторяю: едем мы

на Север, на русский Север. В направлении Архангельска. Клад искать...

Нужно сказать, что Витька вот уже лет 7 причислял себя к Великому братству «черных» археологов. Каждое лето он уходил в законный отпуск, чтобы затем уйти в лес, степь, болото и так далее. В зависимости от того, какие «совершенно точные сведения» смог раскопать в течение года. Информацию он добывал любыми путями, вплоть до пересъемки каких-то секретных старинных карт, пылящихся в частных коллекциях, подкупа должностных лиц, а также спаивания коллег по «черному» цеху. На мои вопросы, типа: «а что ты с этого имеешь?», он делал уморительно серьезное лицо и говорил, что это как в анекдоте: когда у одного мужика спросили: любит ли он детей? На что, тот ответил: детей не люблю, но сам процесс..! Так вот для Витьки был важен именно процесс. Во-первых – матушка-природа, во-вторых – физический труд на свежем воздухе, в-третьих – хорошая компания. Если же в результате трехнедельного ползанья по раскисшему чернозему, пожухшим ковылям или обваливающимся как-токомбам ему удавалось откопать какой-нибудь драный лапоть, счастье его было чистым и безмерным.

– Ты уверен, на счет клада? – решил на всякий случай уточнить я.

– Уверен, не уверен. Какая разница? Всегда и везде можно найти что-нибудь любопытное. К тому же мне Виталя точное место указал, и даже карту одолжил. После трех литров...

– Силен... А почему тогда он сам не пошел?

– Боится.

– ?

– Говорит, проклятье какое-то на том кладе лежит.

– Ну, да, как же... И все кто ходили искать его назад не вернулись.

– Смейся, смейся. Не Игорем тебя надо было назвать, а Фомой. А в наших узких кругах знаешь, какие легенды ходят.

– Вот именно, что легенды. Постой, а чего ж ты своих лучших друзей тащишь в это заколдованное место. Мы тебя чем-то обидели?

– Не дрейфь, – все будет чих-пых. Этим летом в тот район настоящая археологическая экспедиция отправилась. Шум-гору копать. Вот на них проклятье и падет. А мы рядышком постоим. Может тоже чего откопаем.

– А что это за «Шум-гора»? Ты мне про нее не рассказывал, – сонно спросила госпожа главный инициатор.

Ну, все. Сейчас мы прослушаем лекцию, достойную доцента исторического факультета МГУ. Витек мог часами уводить нас в дебри черной, белой и серой ма... пардон, археологии. И где только нахватался? Он ведь вроде не то слесарем, не то механиком в гараже...

– Гора – это вовсе не гора, а предполагаемый курган, в котором, возможно, захоронен один из варяжских конунгов, – замогильным голосом начал вещать наш спец, – Издавна жи-

тели окрестных деревень передавали из уст в уста легенду о том, что каждому, кто пойдет ночью в новолуние на Шум-гору, выкопает яму глубиной в аршин и будет слушать до рассвета, дух покойного вождя предскажет будущее. И не только его самого, но также всех близких, знакомых, вплоть до будущего страны и всего мира. Главное ничем не прогневить духа. А чем его можно прогневить неведомо.

– А если прогневишь?

– Вот тогда и не вернешься.

– Витя.

– Чего?

– Глянь.

Хорошо, что мы ехали медленно. (Выжать из этого тарантаса нечто большее было просто нереально. Тоже мне, механик). Увидев в зеркале заднего вида вместо моего ехидного лица какую-то жуткую рожу, Витька резко дернул руль, и мы чуть не ушли прямо в кювет, породив еще одну легенду о том, как три дурака... пардон, два дурака и простая русская женщина, были поражены проклятьем еще до того как нашли сокровища. И виноват, конечно, был бы я. Витька же не знал, что мы взяли с собой жутковатую резиновую маску то ли вождя племени Мумба-Юмба, то ли налогового инспектора после встречи с законопослушными гражданами. Неизвестно почему, Альфа назначила эту маску любимой игрушкой, и нам пришлось, скрепя сердце, взять ее с собой. В общем, нехорошо получилось.

Дальнейшую перебранку описывать не имеет смысла. Окончательно переругавшись и стремительно помирившись, мы решили прервать надоевший вояж и просто выпить кофе в ближайшей забегаловке. Сказано – сделано. Вива «Нэскафе»!.

– За день не доедем, – вынес свой приговор наш великий кормчий, – Давайте потихоньку поищем место для ночевки.

Мы с Ольгой послушно начали пялиться на придорожные кусты и проплывающие мимо величественные березы. Типично русский пейзаж в представлении голливудских режиссеров. Солнце уже касалось верхушек потемневших деревьев частоколом расположившихся на дальних холмах, но до сумерек было еще далеко.

– Где обоснуемся? Возле людей, али подале? – выпендрился я, – С одной стороны, цивилизация еще никому не мешала, ларьки, опять же с вино-водочными изделиями, сигареты... М-м-м. (Это я недавно курить бросил. В Америке не приветствуют табакманов). С другой, нам теперь надо адаптироваться к полевым условиям.

– Да, вот эту деревню проедем, и можно неподалеку столбиться, – Витка ткнул желтым ногтем в точку на своей гордости – шикарной крупномасштабной карте, в которой не разобрался бы только выпускник высшего военного училища.

В это мгновение мы завернули за крутой поворот и остолбенели. То есть машина, конечно, еще двигалась, мотор ис-

правно фыркал на кардан, шины шипели на провинциальный асфальт, а мы, разинув от удивления рты, наблюдали совсем не идиллическую деревенскую картину. Перед нами, перегородив почти всю проезжую часть, медленно вырастали два крутых джипа, возле которых обосновалась солидная группа людей. Часть из них лежали на дороге с руками на затылке, остальные эти самые затылки держали на мушках трех Калашниковых... «Опытные образцы. Такие еще не пошли в производство», – мелькнула неуместная мысль. Участники разборки удивленно уставились на нас, когда мы нагло обогнули их по встречной и, проехав мимо на предельной для Витькиных «Жигулей» скорости, завернули за очередной поворот. Все произошло в считанные секунды. Не успели мы вздохнуть с облегчением, как раздался выстрел, машину дернуло вправо, затем влево, но Витек справился, и еще метров двести пятьдесят мы ехали, не снижая скорости. Потом встали.

– Куда они попали, – только и смог выдавить я.

– Слава богу, никуда. Оборони царица небесная!

– Тогда что...

– Если бы они стреляли, то очередями, дубина! Колесо на выстрел пошло! Нам еще повезло, что эти кретины не приняли его за настоящий. Иначе лежать нам на дне ближайшего озера. Собирай ружье! – Рывкнул Виктор. И сам бросился к своему оленебою, – если что, хоть подороже себя продадим. Ольга, топай вон в тот лесок, и Альфу забери. Тут она

не помощница.

Все наши многочисленные друзья уже давным-давно знали, что Альфа – добрейшей души человек, в смысле собака. И знакомых, и незнакомых она радостно приветствовала такими ударами полуметрового породистого хвоста (саблевидного), что будь Альфа чуть-чуть повыше, то многих за-всегдаем нашего дома пришлось бы устраивать на работу в оперу для исполнения супервысоких партий.

Признаться, я ожидал, что Ольга начнет спорить, но нет. Не медля ни секунды, она схватила поводок, дернула Альфу и растворилась в ближайшей растительности. Беззвучно, как индеец племени сиу. Мы с Виктором переглянулись и облегченно вздохнули. Тут завывли на высоких оборотах мощные американские моторы и, обдавая нас выхлопными газами, мимо промчались те самые крутые джипы. Через миг их след уже простыл. Мы еще раз переглянулись и облегченно вздохнули.

Выждав, для верности, еще минут пять я повернулся к лесу и позвал жену. И вздрогнул от неожиданности, когда кусты в метре от меня расступились и невозмутимая Ольга, влекомая жизнерадостной овчаркой, попросила: «Не кричи, пожалуйста, я все прекрасно слышу». Видимо взрыв адреналина выжег дотла все мои чувства – я был пустым керамическим кувшином, только что вышедшим из печи для обжига, и вместо того, что бы всыпать супруге по первое число за непослушание, крепко обнял ее за плечи. Мы подошли к

Витьке, пыхтевшему под нос русские народные выражения, которые при даме с высшим филологическим образованием он не мог пыхтеть вслух... А когда увидели во что превратилось колесо...

– мать вашу. Или мне показалась, или это произнесла моя нежная женушка?

Наскоро обсудив создавшееся положение, мы решили не возиться, а проехать еще метров сто и свернуть на пригодную для ночлега поляну – менять колесо будем утром, ведь чтобы добраться до запаски все равно пришлось бы вытряхивать весь багажник.

Костер весело трещал, разгоняя темноту и полночную сырость. Ольга давно спала в палатке, а мы с Витькой сидели на шершавом бревне и молча приканчивали НЗ: пол литра медицинского спирта, изъятого из тайной ухоронки моей ненаглядной тещи. Разговор не клеился. Да и не о чем было разговаривать. То, что наше путешествие могло окончиться, так и не начавшись, в комментариях не нуждалось. Черт, если так не везет сейчас... Но спросил я у Витьки совсем другое.

– Слушай, Курицын, я еще с утра хотел спросить: с какой это стати, ты Бога часто поминать стал? «Оборони царица небесная»... и т. д и т. п. В семинарию поступать случайно не надумал?

– Ты, Игорь, не смейся. Ты всегда смеешься, когда доходит до чего-то эдакого. Ну, сверхестественного...

– Ты только меня проклятием опять не пугай. На сегодня все лимиты моего страха исчерпаны.

– Как же испугаешь тебя. Ты с детства невосприимчив был. Один раз даже на кладбище заночевал. На спор. Два блока жвачки у меня выпорил. До сих пор простить не могу. У тебя вместо нервов канаты из твоей знаменитой супер-стали.

– Ты мне зубы не заговаривай. Колись, говорю: отчего в религию ударился?

– Да разве ж я ударился... Я так потихонечку. Грехи замаливаю...

– А есть что замаливать?

– Есть.

– Расскажешь?

– Расскажу. Случилось это примерно года два назад. Есть у нас, у вольных археологов верные места. Если уж нашел такое, обязательно с прибытком вернешься. Одно из них – церковный закладной столб. Не знаю как сейчас, а раньше в каждой церкви при завершении строительства, в этом столбе оставляли нишу, куда состоятельные прихожане, помогавшие в возведении храма, приносили дары. В основном – деньги. Говорят, Александр III одной церкви пожертвовал около 3 килограммов золотых и серебряных монет. Их закладывают в столб и замуровывают. Вроде как, даже не церкви жертва, а прямехонько Богу.

– И что?

– И то. Если найдешь заброшенную церковь, то обязательно ищешь этот самый закладной столб. Вот я и нашел на свою голову. Были там медные и серебряные монеты XVIII века. Все же церковь деревенская, откуда там золото. Но и того мне хватило... Не скажу что громы небесные меня поразили, мор или язва, но что-то сломалось в жизни после этого случая. Разваливаться стал мой мирок. И так плохонький был, а сейчас...

– погоди, не канючь. Работаешь? На хлеб с маслом имеешь? Семья есть? Здоровьем бог не обидел – вон какой бугай, бери и запрягай. Чего тебе еще надо? Миллион на блюдечке с голубой каемочкой, персидскую царевну в жены?

– Да что ты мне все про материю грубую. Душа у меня пятнами пошла, как у псориазника. Зудит, мочи нет, а не почесешь! Только что я тебе про душу. Ты все равно ни в бога, ни в черта, ни в тарелочки с прищельцами.

– А так же ни в снежного человека, ни в старуху Иер-Иер, ни в Черные шторы с Черной рукой. Вроде умный ты мужик, Витька, а такое иногда несешь... Душа у него, видите ли, чешется. Мыться чаще надо!!! Желательно с жидким мылом для интимных мест.

– Почему? – обалдел Витька.

– Да потому, что интимнее места, чем душа человека еще не придумали.

– А-а-а, – успокоился друг, – ну тогда давай по последней, и в школу завтра не пойдем.

– А куда пойдем?

– Запаску ставить с утра пойдем, тундра безлошадная. Сколько раз говорил тебе: бери машину, бери машину. Нет, ему, видите ли, в общественном транспорте лучше думается.

– Ага, как на ногу наступят, так мне сразу гениальные идеи в голову приходят.

– А иди ты со своими идеями...

– Уже в пути, – поднялся я.

– Ты куда?

– Спать, Витя, спать.

Сказано – сделано.

Проснувшись утром, я долго не мог понять, где нахожусь, и почему чувствую себя так, словно меня придавило упавшим шкафом. Первая попытка пошевелить затекшими ногами с успехом провалилась. После третьей, я, наконец, соизволил открыть глаза и посмотреть в чем причина моей временной нетрудоспособности. Может быть, проклятье уже действует? Однако ничего inferнального не обнаружилось. Причина же оказалась проста, как дворник дядя Коля из третьего ЖЭКа: наша чудная Альфа не пожелала, видите ли, спать на улице и мирно похрапывала, устроившись на моих многострадальных ногах.

После третьего решающего раунда я, наконец, смог освободиться и выполз из палатки, чтобы тут же быть мобилизованным на сбор хвороста. Помянув недобрым словом все прелести походной жизни, отправился к ближайшей роще.

Лагерь мы разбивали почти в полной темноте, поэтому я с интересом наблюдал раскинувшийся вокруг пейзаж. Наша палатка расположилась на берегу небольшого озера, цвет которого я определил как средний между растворенной синькой и медным купоросом. В какой-то момент мне даже почудилось, что поднимающийся от воды туман отдает запахом серы. Но, слава богу (черт, кажется дурной Витькин пример заразителен), вскоре понял, что цвет этот от бездонного летнего неба, отраженного абсолютно гладкой озерной поверхностью. Приветливые березки, осинки, рябинки дополняли идиллическую картину. Ну, хоть не уезжай никуда...

Но уехать пришлось, – не бросать же все после первого приключения. Кто ж знал, что отъехав каких-нибудь полкилометра, мы в прямом смысле наткнемся на второе – здоровенный ржавый гвоздь, очевидно, специально поджидающий нас на дороге. Дерзко нарушив всем известную поговорку, о том, что «Снаряд дважды в одну воронку на попадает», он по шляпку воткнулся именно в поставленную нами запаску.

– Па-ба-ба-бам, – пробасил Виктор, перерыв весь багажник, – Что делать будем? Запасной камеры у меня нет.

– Может остановится кто и продаст? – предположила Ольга, за что была освистана нами в два голоса.

– Тогда приступим к операции ДБК, – ухмыльнулся в мою сторону Витька. И, признаться, эта его ухмылка, мне о-о-очень не понравилась. На всякий случай я спросил:

– И как это расшифровать?

– Элементарно, Ватсон! Давай Быстрей Качай! – просветил меня заботливый друг.

Весь дальнейший путь до деревни, где мы надеялись купить у кого-нибудь камеру, слился для меня в единый кусок черно-белой киноленты «Как закалялась сталь». А закалялся, стало быть, я. Буквально вылетая из машины, я подсоединял шланг ножного насоса к ниппелю пробитого колеса, и минут пять качал со скоростью близкой к скорости звука. Роль звука исполнял мат. Потом, отсоединившись и прихватив насос, я заскакивал обратно и отдыхал метров двести, пока Витька с очередным «мать» не останавливался. И все возвращалось на круги своя.

Одолев пятикилометровую дистанцию, мы, на последнем издыхании, вкатились на главную улицу деревни Сведино. Меня долго уговаривали выйти из машины, но я не поддавался на провокации, пока Витька не вынес мое брненное тело на руках и не посадил на травку рядом с селпо. Постепенно приходя в себя, я начал обращать внимание на окружающий мир, а не только на свое разбушевавшееся сердце. Первым моим наблюдением стало наличие ответного наблюдения. Одним словом, чуть не полдеревни сбегалось поглазеть на нас. Телевизора у них нет что ли? Особо выделялась живописная группа из шести человек, довольно молодых, довольно наглых и в стельку пьяных. Был бы я великим Некрасовым, тут же выдал что-нибудь вроде «В пьяном угаре шпана деревенская».

Пока я разглядывал местную фауну, Витька нырнул в магазин, а Ольга вышла прогулять Альфу. При виде нашей медалистки, влекущей Ольгу к ближайшим кустам с мощью паровоза и таким же сипением, толпа как-то быстро поредела. Отступление возглавила вышеописанная шестерка, подозрительно быстро протрезвевшая. Тут из дверей деревенского супермаркета показался Витька, неся в руках четыре булки свежеспеченного хлеба, такого ароматного, что урчание моего желудка перекрыло даже голодное повизгивание Альфы.

– Ой, – обрадовалась Ольга, – надо же! Настоящий деревенский! Ум... А запах! Теперь бы еще сметанки местной отведать... И покосилась в мою сторону.

– Ладно, тогда сделаем так, – вынес безапелляционное решение наш рулевой, – Я иду добывать камеру, Игорь за сметаной, Ольга и Альфа на страже стального коня. Вопросы есть?

– Вопросов нет, товарищ главнокомандующий. Кстати, а кто тебя на эту должность назначил? – не выдержал я.

– Как кто? Вчера на всенародном вече я был легитимно избран большинством голосов.

– И чьи же это были голоса?

– Мой и Ольгин. Даже при твоём «против» получается большинство. Так что дуй за сметаной, а то...

– Хлеб остынет, – подсказала Ольга.

И мы разошлись, как в море корабли.

Узнать, у кого в деревне самая лучшая сметана оказалось сложнее, чем решить загадку Сфинкса. Встречные бабульки и дедки называли самых разных хозяев, находившихся по закону подлости на противоположных концах не маленькой деревни. Все же минут через 20 путем аппроксимации мне удалось установить, что самую лучшую сметану делает Зинка Кравцова, которая недавно второй раз вышла замуж за двоюродного брата своего первого мужа со стороны его матери с которой до сих пор живет в одном доме как кошка с собакой. Ничтоже сумняшеся я отправился на поклон к Зинке, благо идти было уже не далеко. Пока поднимался по крутой тропинке к нужному дому, меня обогнала тощая облезлая собака, тащившая в зубах живую еще курицу и юркнувшая во двор Кравцовых. Одолев последние метры подъема и подойдя к калитке, я услышал непонятную возню, матерную ругань, визг и квохтанье. Навстречу мне неслась несчастная курица, которую я только что видел свисавшей из собачьей пасти. Раньше мне казалось, что у куриц почти совсем нет глаз. Как жестоко я ошибался. Было ощущение, что на меня несутся одни куриные глаза, в которых пережитый ужас смешался с радостью приговоренного к смерти, получившего высочайшее помилование. Слегка опешив, я постучал в калитку и, не дождавшись ответа, осторожно вошел во двор. Первое, что бросилось мне в глаза, была та самая собака-добытчица, посаженная на толстенную цепь.

– Эй, есть тут кто живой?

Ответом мне стал скрип открываемой двери. На пороге появилась хозяйка – дама среднего роста, средних лет и ку-стодиевских пропорций.

– Чего надо? – сразу взяла она быка за рога.

– Здравствуйте.

– И вы здравствуйте, коли не шутите.

– Говорят, что у вас самая лучшая в деревне сметана. Не продадите баночку литровую.

– Отчего ж не продать. 20 рублей.

Я торопливо кивнул и полез за деньгами. В этот момент из дома вышла пожилая женщина, одетая в телогрейку и обрезанные валенки.

– Зинка! Постыдилась бы! Глядите-ка, только муж за порог, а она уже хахалей в дом приводит.

– Ах, отстаньте, мама! Проезжий он. Сметану пришел купить. А вам везде хахали мерещатся.

– Ты мне голову не дури, ишь что удумала – сметану. Да твою сметану покупать будут если только ни у кого другого не останется. Жидкая она у тебя и кислая. Вот я когда...

– Жидкая?! Кислая?! Да как у тебя язык только поворачивается, кощейка старая. Да ты...И, выкрикивая ругательства, Зинка понеслась в сарай с необычайным для ее фигуры проворством.

Обратно она шла уже спокойней, держа в руках литровую банку сметаны без крышки. Горлышком вниз. У меня аж дух захватило. Показалось, что сейчас вот и выльется моя

сметанка в утоптанную землю двора. Но нет, презирая законы тяготения, она не спешила покидать полюбившуюся емкость.

— Ну, — спросила меня Зинка, продолжая держать банку вверх ногами, — Жидкая моя сметана или нет?

— Все равно она у тебя невкусная. И муж твой — пьяница, и корова твоя болезная, и собака у тебя шелудивая, и...

Тут я понял, что пора вмешаться, иначе не видать мне сметаны до вечера.

— Кстати, я вот видел, как собака ваша курицу в зубах тащила... Соседи не заругают?

— Ай, лишенько, — запричитала старуха. Так вот кто моих курочек извел. Таракан твой недорезанный.

— Да, не Таракан, мама, а Таркан. Певец такой турецкий.

— Ой, горе. Нет мне старой места на этом свете. Все меня в гроб загнать норовят. Собака и та туда же... Не дождетесь!

Наступила минута трубить срочное отступление, так как бабка, подхватив валявшиеся грабли, угрожающе пошла на Зинку. Я швырнул деньги на крыльцо, выхватил у остолбеневшей Зинки банку и по примеру несчастной курицы, пулей вылетел из калитки. Пробежав метров сто, (благо под гору) я обнаружил, что несу банку все так же перевернутой. Мгновенно похолодев, заглянул внутрь, но Зинка не подкачала — гладкая поверхность сметаны даже не изменила формы. Умеем же, если хотим.

Пробираясь деревенскими задворками, я уже в который

раз ловил себя на необычной мысли. Точнее на двух. Первая: не смотря на то, что наше путешествие сразу обросло неприятными случайностями, мне оно начинает нравиться. Нет. Нравится не совсем верное слово. Просто все происходящее я стал принимать, как должное. Это как в песне «надо благодарно принимать». Такого за мной раньше не водилось. Сколько себя помню, всегда ершился и хорохорился. Созерцательность не в моем стиле. Странно. Но еще более странной оказалась вторая мысль, гуляющая на задворках моего вполне рационального сознания. Точно сформулировать я ее не смог, но общий смысл сводился к: «все возвращается на круги своя», «змея кусает собственный хвост» и тому подобной философской ерундистике. Вообще-то, была еще и третья, вернее третье – предчувствие. Вот уж чем не страдал никогда. Но с каждым часом во мне крепла уверенность, что *туда* мы доедем. Хорошо ли, плохо ли, но доберемся. А вот обратно...

С такими невеселыми мыслями я завернул за очередной угол и тут же понял, что, вопреки всем предчувствиям, до цели нашего путешествия, запросто могу не добраться. Передо мной стояли трое подвыпивших парней, из той шестерки, что глазела на нас возле сельпо. Молодость у меня была достаточно бурная, так что намеренья их были ясны, будто солнечный июльский полдень. Ребятки застоялись, как молодые жеребцы в стойле, и горячая кровь пьянила их не хуже соседского самогона, которого тоже было принято доста-

точно.

– Эй, ты, москвич! – тот что стоял в центре, презрительно сплюнул на мирно зеленевшую травку., – Ты чё здесь забыл, а?

– Я не москвич.

– Да, какая, блин, разница. Вы, городские, все дешевки. Гля, мужики, сметанкой нашей разжился.

– Во, во, – поддакнул дружку стоящий слева, тщедушный паренек с бегающими в разные стороны глазками, – сначала сметанку попробует, потом до девок наших дойдет... Ты что-то сказал, турист? Не слышу?

Вопрос не подразумевал ответа. Им нужна была просто накачка. А мне... А мне следовало бы, наверное, запустить в них банкой, и ретироваться как можно быстрее, но... Во-первых, я никогда ни от кого, не бегал, и сейчас не побегу. А во-вторых, они знают все здешние закоулки и запросто могут перехватить меня. Н-да... С одним я бы справился – все-таки был когда-то КМС по боксу. С двумя – возможно. Но с тремя... Нет, теперь их стало уже четверо. Из-за поворота показался еще один архаровец, в руке у него как живая подергивалась монтировка. Видимо место в ближайшей районной больнице было мне обеспечено. Я подобрался и отступил к забору. Хотя бы спину прикрою, а там...

– Эй, мужики, у вас тут что, слет тимуровцев? Или сбор металлолома? – Витька, как доберман, всегда чуял драку. Еще в детстве он не пропускал ни одной сшибки, и нюха, ви-

димо, до сих пор не утратил. Его широченная спина закрыла мне весь обзор, поэтому пришлось слегка потеснить друга. Не баба я, что бы за чужой спиной отсиживаться. Хотя Витьке помощник только помешал бы. Мой друг относился к счастливой категории тех здоровых лбов, которых без ущерба для их здоровья можно бить различными тяжелыми предметами, начиная с бутылки и заканчивая обеденным столом.

Ребятки слегка растерялись, все-таки они были пьяны не до такой степени, чтобы не видеть Витькиных габаритов. Но тут их главный заводи́ла, выхватил из-за спины нож-бабочку и лихо закрутил им, перекидывая из одной руки в другую.

– Это вам сейчас придется, собирать... Кишки свои с нашей улицы.

Не удостоив его ответом, Витька как-то странно повернулся... Дальнейшая сцена очень напоминала эпизод фильма «Крокодил Данди –2», потому что в руке у моего защитника, неизвестно откуда тоже появился Нож. Вот именно, – Нож. С большой буквы. Многие черные археологи и он в том числе, делают себе особые ножи. Когда я в первый раз увидел такой у Витьки в руках, мне стало очень не по себе. Нож знаменитого Рэмбо, уступал Ему по всем показателям. Особенно, если учесть, что именно я пододвинул дорогому другу детства классную сталь из нашей лаборатории – мой лучший опытный образец, несправедливо забракованный высокой комиссией. Вообще-то этот нож был предназначен для самых мирных целей. В Витькиных экспедициях он выпол-

нял роль маленькой лопаты, распиливателя корней и разрушителя дерна. Но наши противники об этом не знали, а потому мгновенно, как по команде перелетели через забор и растворились в глубине ближайшего сада.

– И где ты его только прячешь? – выпалил я единственное, что пришло в голову.

– Вот, смотри, – повернулся спиной Витька, показывая здоровенные кожаные ножны, прикрепленные к поясу под очень маленьким углом. Камуфляжная жилетка скрывала их полностью, я даже не догадывался о существовании этого тайника.

Вернувшись к машине, мы были ошарашены открывшейся перед нами картиной. Возле «Жигулей» собралась дюжина древних бабулек, которые самозабвенно голосили нечто, что принято сегодня называть истинно русским фольклором. Светящаяся от счастья Ольга стенографировала текст в свою записную книжку, поминутно издавая восхищенные вздохи и охи. Музыкальным сопровождением хора являлась Альфа, самозабвенно подвывавшая бабулькам в особо удачных, на ее вкус, местах. Мы быстренько постарались сократить расстояние, отделявшее нас от новообразованного очага культуры, но стоило нам подойти, как Альфа неожиданно повернулась в нашу сторону и издала жуткий утробный вой. Так воют лишь собаки предательски брошенные своими хозяевами, или... Или если предчувствуют чью-то смерть. Деревенский хор оборвал песню на самой высокой ноте, и старуш-

ки подозрительно зашептались, косясь в нашу сторону. Мне стало совсем не по себе. Никогда не слышал от Альфы ничего подобного. Как сказал бы богобоязненный Витька: «оборони, царица небесная...»

Дальнейшее происходило в гробовом молчании. Мы сняли колесо, сменили камеру, поставили на место, затянули гайки... Забытый хлеб задыхался в полиэтиленовом пакете, сметана плавилась на августовском солнце. Аппетита не было ни у кого, кроме, естественно, Альфы, которая даже не подозревала, что стала причиной нашей меланхолии.

– Игорь, почему ты так долго? – спросила Ольга, водя пальцами по боковому стеклу.

– Местных кумушек ублажал, – съязвил Витька, – ели отбил его у молодых.

– Я серьезно.

– И я серьезно, – продолжал нести околесицу боевой товарищ, пытаясь одним глазом смотреть на дорогу, а другим подмигивать мне. – Они еще кричали, что такого обходительного и видного мужчину без выкупа не отпустят.

– И что он дал им в качестве выкупа?

– По три поцелуя каждой и один общий, – из последних сил пытался поднять всем настроение доморощенный Хазанов.

– Оставь, Витя. И без тебя тошно. – Не выдержал я.

– Тошно, ему! При первых трудностях скис как молоко

недельной выдержки. А что такого особенного произошло? Ну, наткнулись на разборку, ну колесо пробили...

– Дважды, Витя, дважды.

– Да хоть трижды. Ну, собака завyla, ну шпана...

Нет, я ему, точно язык когда-нибудь укорочу. Его же ножом, если понадобится! Тоже мне, Павлик Морозов нашелся.

– Какая такая шпана? Игорь, будь любезен, просвети свою темную неграмотную жену. Чем ты занимался, пока якобы за сметаной ходил? – голос Ольги не предвещал нам ничего хорошего.

– Да ничего не случилось, Оль. Все было нормально. Подумаешь, прицепились. Отцепились же.

– Мы даже не дрались. – разочарованно протянул предатель-Витька.

– А ты вообще помолчи! Втирал мне очки про каких-то девок. До каких пор ты покрывать его будешь? Друг называется... Все вы, мужчины, одним миром мазаны. Лучше бы рассказал мне, каких девок он по вечерам до дому провожает. – ни с того, ни с сего выпалила супруга и разревелась в три ручья.

Па-ба-ба-бам... Витька растеряно посмотрел на меня в зеркало заднего вида. А я не придумал ничего лучшего, чем ненатурально заржать, пытаюсь выиграть время, и лихорадочно придумывая правдоподобный ответ. Нет, ничего такого криминального не было. Но... Могло бы быть. Себе врать

– последнее дело. Если бы Ольга не втянула меня в эту историю с географией, наши невинные прогулки с Инной могли плавно перерасти в нечто большее. Вот только Ольге об этом знать совсем не обязательно.

– Оль, послушай меня. Ольга!

– Ну что? Уже придумал отмазку?

– Фи, что за выражения, у филолога с высшим образованием, я от тебя такого не ожидал, дорогая.

– Дорогая... Значит нашел еще дороже? Дочку своего босса окрутить решил?

– Инна не только дочь своего отца, она еще и ведущий специалист моей лаборатории. И отношения наши – чисто профессиональные.

– Не смей меня, Игорь, – Ольга уже взяла себя в руки. Голос почти не дрожал. Но от этого мне становилось только хуже. Страшная штука – чувство вины. Еще и вины то нет, а оно уже есть.

– Не смей меня. С такой фигурой и профессиональные отношения. Я ведь не слепая. Еще иногда вижу себя в зеркале. Мне с ней не тягаться.

– А вот это ты зря, – встрял Витька, – Не знаю, что видишь в зеркале ты, а я вот вижу, что рядом со мной сидит такая классная девчонка, которой стоит только свистнуть, и мужики перед ней штабелями падать будут.

– Штабелями... Падать... – захохотала Ольга, – Ой, насмешил. Я тебе Соловей-разбойник, что ли?

– Не разбойник, а разбойница, которая давно похитила мое сердце. Вот разведусь с женой, и скажу тебе: бросай своего Игоря, выходи за меня...

Вот балабол. Когда надо, двух слов связать не может, а как не надо соловьем разливается.

– Оль. И откуда ты взяла такие глупости? Опять кумушки-соседки просветили? Разгоню я к чертовой матери ваш бабский клуб...

– Дамский, Игорь, дамский.

– У кого дамский, а у вас бабский. Если одни сплетни на хвосте приносят, а другие слушают и верят... – я сделал вид, что обиделся. – Ты еще частного детектива найми...

– Вот так, мило беседуя, чета Семеновых *проследовала* по пути *следования*, чтобы *обследовать* таинственный курган, *в следствие* чего, были совершены многочисленные археологические открытия и *последовало* вручение почетных грамот и дипломов, а также премии в размере 25 % от суммы найденного исторического *наследия*.

Ну, Витек, блин, дает! А ведь это был экспромт.

– Ехали мы ехали, и, наконец, приехали, – объявил новоявленный Сусанин, – выходи строиться.

Обрадованная Альфа пулей вылетела из машины, утащив Ольгу в ближайшую канаву, основательно заросшую высокой травой. Я же еще долго возился, высвобождаясь из под всяческого баракла, с ужасом представляя, как все это

поташу на себе.

– Вить, слышишь, Вить! Сколько нам теперь до места добираться?

– Дня четыре, может три. Смотри, что нам встретится. Есть на нашем маршруте одна заброшенная деревня. Собираюсь там покопаться.

– Четыре дня! Как же мы потащим все это, разве что Альфу использовать как вьючную лошадь.

– Не переживай, Игорек! Половина барахла останется у моего родственника, в виде оплаты за постой машины.

– Ты снял камень с души моей, о величайший из путешественников. Давай показывай, где тут дом твоего родича.

– Вон тот. Или тот. – Витька поочередно тыкал во все стороны света. – Нет все-таки вон тот. Черт! Я и был то здесь всего один раз. Только тогда зима была. Все совсем по-другому выглядело.

– Да уж. Ладно, не дрейфь. Это же деревня. Тут все про всех знают. Гляди, мужик идет, у него и спросим. Как зовут твоего родственника, хоть помнишь?

На встречу нам, вдоль покосившегося забора действительно двигалась некая фигура, слегка покачиваясь и периодически приваливаясь к попадавшимся на ее пути деревьям. Не смотря на августовскую теплынь, она щеголяла в распахнутой телогрейке, из-под которой виднелись с трудом различимые полоски засаленной тельняшки. Экипировку дополняли кирзовые сапоги, и джинсовая бандана. В руках мужик

нес нечто, отдаленно напоминающее дипломат.

– Витек! – обрадовано заревел мужик. – А я тебя с утра встречаю. Ты не поверишь, через каждые полчаса сюда хожу.

Очевидно, в доказательство он пристроил дипломат на капоте и минут пять под нашими пристальными взглядами безуспешно пытался его открыть. В течение этого времени Витька тихим голосом просвещал нас с Ольгой:

– Вот он, родственничек мой, – Серега Грачев. У них тут пол деревни Грачевых. Служил в морпехе. Дослужился до капитана, уволен в запас по состоянию здоровья. Как-то они со старлеем на двоих выпили три литра тормозной жидкости. Прапорщик, зараза, подменил бутылки, отомстить хотел за что-то. Но не рассчитал. У Сереги желудок гвозди перетирает. Потом этого прапорщика искали всей ротой.

– Нашли?

– Нашли.

– Живого?

– А как же. Он сам со страху сбежал, чем себя с головой выдал. Серега даже и не подумал бы, что что-то не так. Им местные такую самогонку привозили, что те, кого в звании повышали, просто капали ее на погоны, и к утру дырки для новых звездочек были уже готовы. Вот так он и заработал себе язву.

– Не боишься ему машину оставлять? – поинтересовалась Ольга.

– Нет. Только бензин в канистру солью, а канистру зарюю.

Чтоб потом уехать смогли.

Тут Серега, очевидно, осознав всю безуспешность дальнейших попыток открыть дипломат цивилизованным путем: с помощью ключа, ножа и топора, с криком «И-я-я-я» дважды рубанул рукой по замкам. После этой демонстрации армейской выучки на капоте остались две солидные вмятины, и два замка, начисто срубленные человеческой ладонью.

– Вот это да! – вырвалось у меня. – Сила!

– У нас в роду все такие. – расхвастался Витька, – Это еще что. Знаешь, как он хулиганов умирят? Если кто вдруг при нем буяннить начинал, Серега просто подходил к нему, говорил: «Да не шуми, ты. Давай, лучше обнимемся», и обнимал. После чего буяна увозили на «скорой» с переломанными ребрами.

Раскрывшийся дипломат явил нам в своем чреве пять бутылок водки (три уже были пусты) и пять пластиковых стаканчиков, уже давно не одноразовых. Сергей быстренько их наполнил и церемонно поднес каждому, включая Ольгу и Альфу.

– Я... – Ольга собиралась отказаться, водку она употребляет лишь при дикой простуде, предварительно высыпая в рюмку полпачки красного перца. Но Витя поспешно наступил ей на ногу и соорудил жуткую рожу, которая в его понимании должна была означать «Нельзя обижать родственника».

Жена все поняла, мило улыбнулась Сергею, выпила... И

даже не поморщилась. Умеет, оказывается, держать удар.

Труднее было заставить Альфу принять участие в возлижании. Но и тут смекалистый Витька нашел выход: извлек из рюкзака кусок колбасы, обмакнул в водку и протянул нашей доверчивой овчарке. Когда последний кусок колбасы был перемолот крепкими собачьими зубами, Сергей решил, что знакомство состоялось (даже не узнав наших имен), что-то нечленораздельно буркнул, махнул Витьке, поехали, мол. И мы поехали.

Хозяйство Грачевых оказалось не так запущено, как сам хозяин, исключительно стараниями его жены Клавы – миловидной особы небольшого росточка, с огромными, в пол лица глазами. Её маленькие ручки крепко держали бразды правления, не позволяя Сергею окончательно спиться. Трое детей (две девочки и мальчик), все как один похожие на отца, восхищенно уставились на Альфу, подталкивая друг друга, и боясь подойти.

– Не бойтесь, – успокаивала их Ольга, – Она не кусается и очень любит детей.

– А это пограничная собака? – набрался храбрости самый младший.

– Ну, в какой-то мере, – да. Хотя на границе она не служила, но знает все команды. Вот смотрите! Альфа, лежать!

Альфа укоризненно покосилась на Ольгу, и не двинулась с места.

– У-у-у, – огорченно протянул пацан, – не слушается, по-

чти как я!

– Ой, я совсем забыла. Нужно ей дать что-нибудь. У вас есть яблоки?

– Яблоки? – недоуменно переспросила одна из девчушек?

– Зачем? – подхватила вторая.

– А за тем, что яблоки у нее самое любимое блюдо. За яблоко, она не только выполнит все команды, но даже скажет «Мама».

– Не может быть!!!

Это они уже все втроем.

– Очень даже может. Так есть у вас яблоки?

– Есть! Сейчас принесу, – уже с порога крикнула старшая.

Когда она вернулась с большим зеленым яблоком, Ольга разрежала его перочинным ножом на восемь равных частей и, помахивая ими перед носом Альфы, стала давать обычные команды, вознаграждая овчарку каждый раз одной долькой. Когда в руках супруги остался последний кусочек, Ольга снова выразительно помахала им перед носом Альфы.

– Скажи «Мама».

– Мау-ма, – сказала Альфа и радостно вильнула хвостом, получив обещанное лакомство.

Радости детворы не было предела. Все оставшееся время они были заняты тем, что таскали Альфе яблоки, снова и снова приходя в восторг от ее лингвистических талантов. Ольга быстро нашла общий язык с Клавой и они, сидя на летней кухне, с наслаждением перемывали нам косточки. А

мы же с Витькой как каторжные копались в вещах, пытаюсь отделить свое от чужого. Наконец, с полной уверенностью можно было сказать, что экспедиция к выходу готова.

– Ну, присядем на дорожку, – скомандовал Сергей.

Мы с Ольгой присели на лавочку, помолчали немного, потом впряглись в лямки и, помахав Грачевым, в полном молчании потянулись за проводником-Курицыным. Витька бодро вышагивал по большаку, каждые пять минут сверяясь с картой. Что бы окончательно не заскучать я спросил:

– Вить, а что это у тебя за бандура к рюкзаку приторочена.?

– Это же металлоискатель, тундра ты деревенская.

– Что-то не похож...

– Он в разобранном виде. Чтобы всякие любопытные следом не тащились и милиция не приставала. Случаи разные бывают. Нас «научники» и силовые структуры не очень жалуют.

– Вить, а ты где его взял? – заинтересовалась Ольга.

– Купил, где же еще. Почти штуку баксов выложил, хотя он б/у. И не жалею. Немецкий. Берет на глубину до двух метров, различает черный и цветные металлы. Сразу можно сказать, что там внизу: золото, серебро или железо. Классная вещь. А то у одного моего знакомого самопальный металлоискатель был, который выл на простые кирпичи так, как будто они из нержавейки сделаны. Намучался он с ним, бедолага. А все жадность: нам бы подешевле, попроще...

– Мне когда-то бабушка говорила «Мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи», – поддакнула Ольга.

Ага, значит в том, что она купила зимой на последние деньги шикарную шубу, виновата бабушка... Интересно, а что еще наговорила старушка?

Протопав с час и, намозолив с непривычки плечи неподъемными рюкзаками, мы, наконец, устроили привал. Я тотчас сел, где стоял, Ольга со стоном опустилась, на большой плоский камень, и только Альфа резвилась во всю. На прилегающем к дороге лугу, где «трава по пояс» то и дело появлялась ее голова, что бы тут же скрыться. Казалось, она просто плывет и ныряет в зеленом душистом море. Солнце светило прямо в глаза, подтверждая, что полдень уже миновал. Давненько же я не выбирался вот так дикарем на лоно матушки-природы. И только сейчас признался себе, как мне этого не хватало.

– Все. Сворачиваем. У нас впереди еще часа три светлого времени. Как раз доберемся до заброшенной деревни, если поспешим. – ободрил нас Витька. – Пора вперед – труба зовет.

– Не знал, что пионерское детство пустило в тебе такие глубокие корни. Дай отдохнуть еще хотя бы минут двадцать. Мы в Павки Корчагины не нанимались, – мы отдыхать ехали. А ты нас строишь под звуки труб и барабанов. Где же демократия? – попытался возразить я.

– Правда, Витечка, – в кои-то веки поддержала мужа Оль-

га, – давай еще немножко посидим. Отдыхемся. Ты посмотри, какая красота вокруг!

– С сегодняшнего дня демократия отменяется, – надул щеки новый Пиночет, – вам придется четко исполнять все мои команды. Скажу вперед, – значит вперед. Скажу «стой», – все должны замереть на месте.

– Даже Альфа? – съязвил я.

– Слушайте меня внимательно, ребята. Дело серьезное. Вы уже очень давно не бродили по полям, по лесам. Да и до того путешествовали в больших компаниях. Но сейчас нас всего трое. Я каждое лето «в поле», навыки не потерял, но от случайностей не застрахован никто. В том числе и я. А теперь мне приходится отвечать не только за свою собственную жизнь, но и за ваши. И поэтому я прошу, особенно тебя, Игорь, оставьте свои амбиции при себе. В этом походе я командир и мое слово закон. Право совещательного голоса оставляю за Ольгой, как самой осторожной из нас. Право обычного голоса оставляю Альфе – надеюсь, что она сумеет вовремя его подать. Тебя, Игорь, права голоса лишаю. У меня все.

– М-м-м-м – промычал я, испепеляя Витьку взглядом.

– Что м-м-м?

– Ты его права голоса лишил! – догадалась Ольга.

– Черт! Игорь, прекрати придуриваться!

– М-м-м!

– Ну что с ним делать? Как маленький ребенок, ей богу!

– М-м-м!

– Придется тебе, Витя, что-нибудь срочно придумать. Он же упрям, как ишак. Уж я то знаю... Так и будет теперь мычать, пока ему право голоса не вернут.

– И черт с ним! Пусть мычит на здоровье, отдохну хотя бы от его подколок. Ружье пусть только соберет. Ну, все, тронулись!

И мы таки тронулись.

Свернув с большака на незаметную тропинку, уводящую нас все дальше от цивилизации, мы вступили в царство его величества Леса. Это вам не хилые городские скверики и парки! Последние 10 лет мне ни разу не было так легко, несмотря на свинцовую тяжесть рюкзака. Рефлекторно хотелось выпрямиться и глубоко вдохнуть. Что-то свалилось с меня, какой-то груз, привычный, и от того незаметный. Только сейчас я понял, как же он меня согнул. Ноги, уже вошли в ритм и несли двойную тяжесть без скрипа. Правда, завтра все мышцы будут зверски ныть, но это малая плата за невыразимое чувство свободы, охватившее меня. Хотя какая свобода при таком командире! Ну, Пиночет, ты у меня еще запоешь, еще спросишь моего мнения, и вернешь мне не один, а два голоса, или даже три.

Однако, играть роль безмолвного народа мне уже порядком опротивело. Сотни вопросов и едких замечаний вертелись на языке, но не просить же пощады! Зато Ольга расцвела махровым цветом и тараторила без умолку.

– Вить, я, конечно, тундра необразованная, так, что объясни мне, пожалуйста, откуда здесь викинги взялись. Ты ведь говорил, что в Шум-горе, предполагается погребение какого-то знатного викинга?

– Говорил. Это даже в газетах писали.

– Но ведь основной путь викингов, направлявшихся из «варяг в греки» проходил по Балтийскому морю через Новгород, – довольно далеко отсюда.

Ишь ты, какие подробности, оказывается, знает моя же-нушка! И когда только успела поднатореть. Вроде раньше историей особенно не увлекалась.

– Есть одна гипотеза, что один из основных путей викингов пролегал именно здесь, по Северной Двине. И знаменитый город Древней Руси, они его называли Хольмгард, через который пролегалли их основные торговые пути, это здешние Холмогоры. В случае если гипотеза верна, все становится на свои места.

– А если нет.

– Если нет – ничего страшного. В Шум-горе все равно есть погребение. Не важно чье. В прошлом году археологи таскались там со специальным прибором – таким сканером, не знаю точно, как он устроен. И данные подтвердились: в горе обнаружена полость, в которой есть металлические предметы. В этом году они снова отправили туда экспедицию и, наверняка, вскроют погребальную камеру.

– А мы? Нас же туда близко не подпустят.

– Так нам туда и не надо. Я ученым дорогу не перехожу. Пусть возятся с этим захоронением. А мы чуть дальше пройдем. Есть там интересное местечко. И, кстати сказать, не одно.

– Вить, могилы разрывать – грех. Сам говорил.

– Говорил. И сейчас повторю. Уже не одно поколение черных археологов заметило странную закономерность – как только начинают копать на кладбище, сразу собирается дождь. Даже если до этого на небе вовсю светило солнце и не было ни единого облачка. Те места, о которых я говорю не могилы. Одно – что-то вроде святилища, а другое ... точно не знаю, Виталя не сказал, вроде бы место какого-то боя. Шлем там местные нашли, точнее его остатки. И браслет серебряный. Нам бы такое везение!

– И все-таки викинги скорее всего сплавлялись по Западной Двине, а не по Северной... Писали, что вдоль пути из «Варяг в греки» сплошные курганные захоронения...

– У меня на этот счет своя теория имеется. Если две далеко друг от друга отстоящие реки называют одним именем Двина, это что-нибудь да значит. А значит, скорее всего, что название Двина произошло от слова «двигаться». То есть у викингов было два основных пути движения – Западная Двина и, соответственно, Северная. Вот так. А вообще я считаю, что история – это лженаука.

– То есть как это?

– Очень просто. Возьми три учебника истории нашей

страны для старших классов, издания тридцатых, семидесятых годов и наш последний шедевр. И ты получишь стойкое ощущение, что в них описываются три совершенно разные страны. Это при том, что в архивах хранится масса документов, периодики, документальных фильмов и т. д. А что же можно говорить о истории X–XI в веков, если самая старая русская летопись датируется, кажется, 15 веком.

– Но ведь историки серьезные и объективные люди...

– Объективные... Каждый из нас, при всем желании, субъективен. А большинство при этом еще и стремиться соответствовать генеральной линии: партии, президента, царя-бабушки... Вот и историки так же: подтягивают факты под определенную теорию. Если факты не соответствуют – замолчим, объявим недостоверными... Знаешь как с Тамерланом было? Многие арабские, индийские и европейские источники утверждали, что Тамерлан был рыжим. Ну, как же! Он же монгол! Где вы видели рыжего монгола? Решили, что источники или врут, или он просто красил хной седые волосы... А потом в Самарканде вскрыли гробницу Тамерлана, и что? По остаткам волос удалось определить, что он действительно был рыжим, натуральным, не крашеным.

– А, правда, что над гробницей Тамерлана тоже висело проклятье?

– Правда. Не помню уже кто предсказал то ли Нострадамус, то ли еще кто, но было сказано, что как только будет вскрыта могила великого завоевателя, начнется такая разру-

шительная война, которой еще не знал мир. И вот вам, пожалуйста. Гробницу вскрыли в 41 году. Что было дальше, вы знаете...

– Ой, Вить, что-то мне от этих проклятий не по себе... Может зря мы идем на эту Шум-гору?

– Не бойсь! Твой Игорь – главный специалист по атеистическому материализму. От него любое проклятье как от стенки горох...

Вот так, в псевдонаучной беседе (и выразительном молчании) мы продвигались навстречу неведомому. Альфа челноком сновала из арьергарда в авангард нашей колонны, то есть от меня к Витьке и обратно. Как у собаки хватало энергии, оставалось загадкой, ведь такой переход был для нее в новинку. Когда солнце принялось цеплять нижние ветки деревьев, мы неожиданно вывалились из зарослей на открытое пространство. Перед нами во всей своей тоске и меланхолии предстала заброшенная деревня. Какое-то особое щемящее чувство царапнуло мой пламенный мотор, словно я заглянул в чью-то разрытую могилу. Некоторые дома еще стояли, другие завалились на бок, третьи были растащены на бревна. Пустые глазницы окон, казалось, пристально следили за незваными гостями. Из темных углов моего подсознания неожиданного для меня самого начали выползать, вроде бы напрочь изжитые, детские страхи. Здесь не слышалось птичьего гомона, что так радовал нас в лесу. Тишина была даже не звенящая, а, скорее, какая-то ватная. Неприятное

место.

— И что, здесь мы будем ночевать? — севшим голосом спросила Ольга.

— Ну почему именно здесь. Пройдем чуть в сторону к реке. Там должны быть хорошие места для ночевки, — пустился в объяснения Витька. — А завтра пошуреем здесь металлоискателем. Деревня довольна старая, но заброшена всего лет двадцать назад. Так что можно найти все что угодно. От николаевских червонцев до хрущевских облигаций. Вы даже представить себе не можете, сколько горшков с денежными знаками хранят в себе невзрачные огороды.

— Завтра, так завтра. А сейчас пойдемте скорее, что-то мне не по себе тут. Как будто смотрит кто-то. Страшно, аж жуть! — фальшиво пропела Ольга, голос у нее явно дрожал.

Обогнув деревню по краю, минут через двадцать мы вышли к довольно широкой полноводной реке, как я понял, это был приток Двины. Вскоре нашлось отличное место для лагеря, с пологим спуском к воде и большим количеством сухостоя, рубить который, и был отправлен ваш покорный слуга. Притащив пару небольших лесин, я принялся разрубать ветки, и стволы на пригодные для костра поленья. Потом на смерть поругался с Витькой, отстаивая свое право участвовать в выборе места для палатки. Осложнялась эта процедура тем, что в ответ я мог только мычать. Воспользовавшись моими затруднениями, Витька настоял на своем, а я, в качестве наказания за строптивость, был отправлен на реку за

водой.

Когда я вернулся огонь уже весело пожирал политые моим трудовым потом дрова, Ольга обустраивала палатку, а диктатор-Витька прохлаждался, собирая свой драгоценный металлоискатель. И только я собрался промычать нечто осуждающее в его адрес, как вдруг... Как вдруг заметил крепкого мужика, выходящего из леса прямехонько к нашей стоянке. Мой предупреждающий крик замер на губах, а сам я застыл в немом удивлении, когда увидел следующую картину: наша мирная, добрая и толстая Альфа обрела вдруг невероятную прыть и бросилась на пришельца с таким жутким лаем и рычанием, что кровь застывала в жилах. Мне показалась, что сейчас овчарка разорвет его на множество таких мелких частей, что и собирать будет нечего. Мужик, видимо ощутил нечто похожее и с криком «Оп-па» взвился на ближайшую березу, опровергая тезис о том, что люди, якобы, не умеют летать. Я бросился оттаскивать Альфу, попутно крича, что она не кусается, хотя сам в этот момент уже не был уверен, в том, что говорю. Мужик же, оплетья ствол ногами на четырехметровой высоте, выкрикивал что-то вроде «Хорошая, собака, хорошая. Я – свой, свой, понимаешь?». Но Альфа понимать не хотела, и с придушенным рычанием рвалась из моих рук. Так продолжалось до тех пор, пока не подросла Ольга, которой кое-как удалось успокоить разбушевавшуюся собаку. Витька с ружьем на перевес подошел к березе:

– Слышь, мужик, ты кто такой? Ты чё тут делаешь?

– Так я ребятами, местный. Живу я тут. Живу! – запричитал мужик, – В деревне заброшенной и живу. Меня Володей зовут. Видел я, как вы мимо проходили, дай, думаю, схожу, поговорю с интеллигентными людьми. Новости узнаю.

– Так ты пришел, значит, лекцию о международном положении прослушать? Ну-ну... Ладно, спускайся, давай. Поговорим на политические темы.

– погоди, Витя, – сказал я, послав к черту свою молчанку, – не нравится он мне. Байки все это, что он один в деревне заброшенной живет.

– А кто вам сказал, что один? Нас там много.

– Кого это «нас»?

– Ну, нас – беженцев.

Когда на небе зажглись первые звезды, мы уже были в курсе последних событий в жизни возрождающейся деревни. Ольга только сочувственно охала и ахала, когда новый знакомый описывал трудности, с которыми пришлось столкнуться русскоязычному населению в бывших союзных республиках. Не от хорошей жизни уезжали люди от обжитого очага, бросая годами нажитое.

– Нас здесь, почитай человек двадцать живет. В основном бабы с ребятами. Мужиков всего пять. Кто откуда. С Узбекистана, Приднестровья, Таджикистана... Паспортов российских само собой ни у кого нет. Статуса беженцев не получили, на работу без документов не устроишься... Кто первый эту деревню нашел не знаю. Только слухами земля пол-

нится, вот и собрались мы тут, живем помаленьку.

– И долго? – спросил Витька.

– Лично я уже второй год.

– А как же зимой?

Это уже Ольга.

– Да ничего. Не замерзли. Домов старых вокруг хватает.

– А местные о вас знают?

– Как не знать.

– И что?

– По началу ворчали, да только в России народ сердобольный. Некоторые даже помогают, чем могут. Семена дают, инструмент кой-какой. И на том спасибо.

Когда беженец ушел, мы еще сколько-то помолчали, размышляя о превратностях судьбы человеческой. По сравнению с его бедой, наши проблемы казались мелкими и ничего не значащими. Так всегда, носишься с ними как с крашенными яйцами, а когда встречаешься с чем-то действительно страшным...

– Вы, ребята как хотите, а я пошла спать, – зевнула Ольга, и, свистнув Альфу, удалилась в палатку.

– Ты тоже иди, – сказал Витька, помешивая в кружке очень крепкий и сладкий чай, – А я еще покараулю. Иди. Тебя жена ждет.

Тут, наконец, до меня дошло, чего это он меня так рьяно выпроваживает. Надо же. Какая забота о регулярности половой жизни друга. О здоровье моем, видать, печется. Н-да-

а, Ольга постаралась, – Витька сам ни за что не додумался бы. Придется их разочаровать. Нет, спать я конечно пойду, а что касается остального... Ненавижу, когда меня к чему-то подталкивают и делаю все с точностью до наоборот. А Витьке-подкаблучнику отомщу.

– Ладно, пойду, – потянулся я, – Спокойной ночи. Да, чуть не забыл, кто последний с ложкой сидит, тот и посуду моет. За всеми.

Глядя на поникшего добровольного сторожа, я торжествующе удалился. В палатке еще горела маленькая свеча, так что я быстро разделся и без особых проблем упаковался в спальник. А когда Ольга обняла меня жаркими руками, чмокнул ее в нос и сказал, демонстративно доставая плеер:

– Оль, извини, мне нужно заниматься.

– Но ведь я тебе уже сотню раз говорила, не учится иностранный язык во сне. Доказано.

– А я еще не сплю. Я послушаю немного. Днем-то времени нет, а учить надо. Ну не обижайся, Ольга, ну не плачь. Я ведь тебя очень люблю. Правда-правда, честно-честно. Ну вот и молодец, умница. Золото ты мое платиновое.

– Это как в анекдоте: Софочка, золото, за тобой пришли... – шмыгнула носом Ольга. – Ладно, учи свой англиш. Спокойной ночи. После чего повернулась ко мне спиной, которая, вот удивительно, не хуже глаз выражала обиду и возмущение хозяйки.

Честно говоря, я таки попытался учить. Надел наушни-

ки, вставил кассету, включил плеер, и после первого же «Гуд мониторинг», провалился в тягучий, как остывающий битум, сон.

Глава II

Когда я открыл глаза, изумлению моему не было предела. А что бы вы подумали, если, проснувшись, первым делом увидели здоровенного бородатого мужика, несущегося на вас со скоростью гоночного мотоцикла? Причем руки его в этот момент, как пушинку вращают огромный топор с запятнанным кровью лезвием и непривычно длинным древком? Лично я ничего не успел, кроме как матюгнуться и попытаться отразить неизбежный удар, лихорадочно вспоминая те немногие приемы боевого самбо, которые мне успели вдолбить в армии. Разумеется, шансов у меня не было никаких. Я же не Брюс Ли, в конце концов. Ну, против ножа, еще куда ни шло. А тут с голыми руками против вооруженного топором амбала... Стоп. Как это с голыми руками? Что же, в таком случае, крепко сжимает моя правая ладонь? Быстрый взгляд, который я успеваю кинуть на нее, говорит о том, что в данный момент мой рассудок находится в состоянии временного помрачения. Проще говоря: у меня, видимо, съехала крыша. Иного объяснения тому, что мои пальцы уверенно обхватывали рукоять тяжелого полутораручного меча, не существовало в принципе.

Развить эту мысль я не успел, так как ловко повернувшись на носках, разминулсЯ с напавшим на меня мужиком, и ткнул его вдогонку своей почти метровой железякой.

Мельком глянув на упавшего, и убедившись, что ему уже не встать, я получил возможность осмотреться и определить, что же все-таки со мной происходит? Итак, на повестке дня у нас два главных вопроса. Первый: кто я собственно, такой? И второй – а чё это я здесь делаю? Ответ на второй вопрос пришел сам собой. То есть не пришел, а прибежал – еще один мужик, под стать первому, но вооруженный в отличие от него коротким копьём с широким (в полладони) наконечником. В результате, мне ничего не оставалось, кроме как принять бой. Вот тут то и выяснилась любопытная подробность – оказалось, что сам себе я не хозяин. То есть, тело напрочь игнорирует команды, посылаемые моим сбитым с толку мозгом. И, слава богу, иначе уже был бы трупом. Похоже, что я являюсь только зрителем – истинный хозяин и не подозревает о моем присутствии, а просто мочит всех врагов на право и налево. Н-да-а-а, дела... Попахивает раздвоением личности.

Находясь в чужом теле, я испытывал весьма неприятные ощущения – это вам не кино, где на все спокойно смотришь со стороны. Когда копье нацеливается тебе в живот, сколько не убеждай себя в том, что это вроде бы и не твой живот, легче не становится. Сознание прилагает все силы, что бы увернуться, но ничего не получается, остается только смотреть и гадать: если меня сейчас убьют, я умру по настоящему или как? Хорошо, что мой гостеприимный хозяин, в чьей шкуре я неизвестно как оказался, не склонен к фило-

софствованиям – несколько быстрых взмахов меча, за которыми мне и уследить было трудно, вывели нашего противника из строя. Разделавшись с незадачливым копейщиком, я (мы? он?) быстро просканировал окрестности и получил следующую картину: на узкой дороге, почти тропе, небольшой торговый караван, вероятно, подвергся нападению разбойников, которые резались сейчас с купеческой охраной. Почему именно караван? Наверное, потому, что возглавлял сопротивление седой сухощавый араб на вороном жеребце (тоже, по всей видимости, арабском). Да-да, именно араб, в черной, под цвет жеребца что ли, длинной одежде, и головным платком, точь-в-точь как у Ясера Арафата. Он со знанием дела рубился кривой саблей, отбиваясь сразу от четверых. Возле него еще двое арабов вертели кривыми мечами, отбрасывая напавших разбойников – видимо телохранители. Все остальные участники баталии внешность имели вполне европейскую. Себя разглядеть я не мог, но не думаю, что чем-то сильно от них отличался.

С этого момента я перестал разделять нас на гостя и хозяина. Я – значит я. Какой-то внутренний голос подсказывал мне, что ни к шизофрении, ни к галлюцинациям, ни тем более, к снам, все это не имеет никакого отношения. Несмотря на всю абсурдность, происходящее казалось абсолютно реальным. В снах никогда не бывает такого согласованного единства красок, звуков, ощущений... Что же касается галлюцинаций, – покуривал я травку в армии, но ни чего да-

же близко похожего не испытывал. Психические отклонения рассматривать не стал, так как если действительно болен, то все равно не смогу себе этого доказать. Из других версий первой на ум приходило перемещение во времени – я не специалист, но уроки истории не прогуливал, да и позже с удовольствием почитывал исторические романы. С местом можно определиться позднее, но по всему выходило, что вокруг меня распростерся период с X по XII век.

Другая версия интуитивно казалась мне более верной, несмотря на то, что такими вещами я никогда не увлекался. Теория переселения душ, прошлые воплощения и всяческая подобная ерунда всегда вызывала во мне саркастическую улыбку... До настоящего момента.

Тем временем ноги несли меня прямо в гущу схватки. «А ведь я, наверно, не дурак подраться», – мелькнула шальная мысль. При этом было стойкое ощущение, что ни к каравану, ни к разбойникам я никакого отношения не имею. Вроде как шел себе и шел, а тут драка – подарок судьбы. Наконец-то можно мечом всласть помахать, а то и закинуть не долго, без доброй схватки. Н-да-а-а. Одно оправдывало меня в собственных глазах – выступить я решил на стороне обороняющихся. С детства не жалую гопников. Даже на бокс пошел, чтобы отбить охоту у некоторых одноклассников, считавших меня своей дойной коровой, отбирать мои карманные деньги. Короче говоря, наше дело правое, победа будет за нами. Энергично помахивая мечом, я приближался к атакую-

щей араба четверке, как вдруг заметил неподалеку еще одного всадника. Точнее всадницу. Молодая, очень красивая девушка, скорее восточной наружности, одетая впрочем, по-мужски, сидела на таком же шикарном коне, как и хозяин каравана, только вот руки у нее были крепко связаны за спиной. Сначала я даже подумал, что разбойники, может быть, вовсе и не разбойники, а освободители. Но тут один из нападавших подлетел к девушке и, сдернув ее с седла, потащил к ближайшим кустам. Как же она отбивалась! Даже связанная она умудрилась свернуть ему на сторону нос, и так засадила своей стройной ножкой в его промежность, что мужик взвыл и от неожиданности уронил ее на траву. Основательно задетый за живое разбойник, не знакомый видимо даже с азами феминизма, не мудрствуя лукаво, замахнулся мечом, намереваясь снести девушке ее хорошенькую, упрямую головку, но...

Но тут подоспел я. И, хотите верьте, хотите нет, с одного удара снес голову с плеч ему самому. Вот когда до меня окончательно дошло, что это не сон, не игра и не виртуальная реальность. Когда алый фонтан из перерубленной шеи хлещет тебе на сапоги, а от тошнотворного запаха крови начинает кружиться голова... Случись это обычной жизни, я бы уже давно стоял на коленях, пытаюсь унять обезумевший в спазмах желудок, но, очевидно, в данной реальности я был куда крепче, или скорей привычнее. Столкнув конвульсивно дергающееся обезглавленное тело с девушки, я, наконец-то,

получил возможность рассмотреть ее поближе. Однако, на это как всегда не хватило времени, потому что еще трое бандитов, вознамерились потягаться со мной за лакомую добычу. Единственное, что я успел до того, как они с разных сторон навалились на меня, это перерубить путы на запястьях очаровательной чертовки и крикнуть «беги», не знаю даже на каком языке.

Несмотря на очевидную крутизну моего альтер эго, нам пришлось солоно. В умении владеть оружием, противники уступали, но не слишком. И где только так насобачились, на мою голову. Разум метался в клетке чужого непослушного тела, пытаюсь хоть чем-то помочь, его обладателю. Дохлый номер. Я мог только наблюдать, и даже замечать детали, на которые в пылу схватки не обращал внимания я-другой. Белые от ярости глаза нападавших, их широко раззявленные рты, из которых несли даже не человеческий крик, а как минимум рев голодного дракона, округлые шлемы с переносом, тяжелые, покрытые редкой ржавчиной кольчуги... Не чистят они их тут что ли, металлисты хреновы?

В какой-то миг в свалку врубился еще один разбойник. И, могу поклясться, что я его заметил, а вот мой Конан-варвар – нет. А когда заметил, было уже поздно – из голубой выси на нас рушился топор, и не было возможности парировать мечом, который в этот момент отражал копье третьего противника. «Не долго музыка играла...» – мелькнула последняя мысль и... одновременно, мелькнула полоска серебри-

стой стали, перечеркнув наискось налитое кровью бородатое лицо атакующего. Топор дернулся и вместо того, что бы разрубить нас пополам, казалось, лишь слегка зацепил мое левое плечо. Вот именно что – казалось. Рука тут же онемела, а от боли на миг перехватило дыхание. И еще от удивления. Хрупкая женская фигурка влетела в нашу мясорубку, размахивая кривой арабской саблей. Так нас стало двое. Теперь солоно пришлось разбойникам. Несмотря на численный перевес, они медленно стали отступать к лесу еще огрызаясь, но уже не надеясь на победу. Возможно, это настроение передалось и остальным. Одиночные схватки прекращались сами собой, и только возле араба ярость сражения не угасала. Кто-то наиболее ловкий сумел прорвать его оборону и короткий меч, почти кинжал, рассек арабу ногу возле колена и по пути располосовал богато украшенное седло. Золотой дождь хлынул на пыльную дорогу. «Тайник!», – эта мысль, вероятно, посетила всех присутствующих. Завороженные блеском динаров (или дирхемов, черт их разберет) и разбойники, и охрана на какое-то время застыли в полном молчании. «Немая сцена» – подумал я, и, не теряя ни минуты, бросился довершать разгром. Очнувшиеся телохранители купца не подкачали и дружно надели на остатки банды, загоняя ее все дальше и дальше в укоризненно молчащий лес.

– Да хранит тебя Аллах, незнакомец! Благословен тот миг когда, ты, подобно льву накинулся на эту стаю гнусных ги-

ен, — морщась от боли в перевязываемой ноге, араб не потерял восточного красноречия. — Я, — Салим аль Хусейн — обязан тебе не только спасением имущества моего, но и самой жизнью. Пусть и не многого стоит, жизнь скромного купца и путешественника, но она воистину дорога мне.

Как же, так мы и поверили... Скромный купец! До сих пор в глазах солнечные зайчики от твоего золота не прошли, нет-нет и сверкнет, в каком-нибудь углу. Интересно, а на каком языке он мне все это говорит, если я его прекрасно понимаю?

— Я перед тобой в неоплатном долгу. Все, чем владею по милости Аллаха, не может стать достойной наградой моему спасителю. Но знай, храбрый юноша, что любое твое пожелание я исполню с великой радостью. Клянусь святым Кораном, ты этого заслуживаешь. Нет-нет, не отрицай. У нас говорят, что смелость без силы — глупость, сила без разума — горе, а разум без смелости — высохший колодец. Каждый истинный воин наделен силой и смелостью, но если к этим двум добродетелям присоединяется разум...

Интересно, что же такого разумного он нашел в моем неожиданном вмешательстве? Влез в чужую игру не зная правил — более идиотский поступок и представить трудно. Льстит, араб, не иначе, награду обещанную скостить хочет.

— Нам очень повезло, что ты почти сразу отыскал их предводителя и одним ударом превратил это отродье скорпиона в поживу для падальщиков, после чего лиходеи утратили свой

боевой дух.

А вот это уже явное преувеличение. Никакого духа разбойнички не утратили – вон плечо до сих пор ноет, поди все уже синее с черным. Знали, – богатая их ждет пожива. Если бы не та девица... Кстати, а где же она?

– Как твое имя, юноша, наделенный такими неоспоримыми достоинствами? И как вышло, что ты путешествуешь в одиночку по местам не безопасным даже для такого воина, как ты.

– Велеслав, сын Ратбора. (Ага, вот, значит, как меня зовут). Здесь неподалеку моя родная деревня и Освальд – мой ярл и приемный отец, – отпустил меня повидаться с матерью и прочей родней. Мы отправляемся в большой поход и...

– Постой, постой, юноша, не тот ли это хёвдинг Освальд, чья воинская слава докатилась даже до наших знойных пустынь. Но ведь он – викинг, а ты, я вижу, – русич. Как же вышло, что ты попал к нему в дружину и зовешь его приемным отцом? У нас на Востоке поговаривают, будто викинги и русичи не слишком ладят?

– Все не совсем так, почтенный. Мы происходим из общего корня, хоть многие и стали забывать об этом. Их дружины поступают на службу к нашим князьям, и русичам не заказана дорога на корабли викингов. А история о том, как храбрый Освальд заменил мне погибшего отца, слишком длинна, чтобы выслушивать ее здесь на месте недавнего боя.

– Стало быть прав оказался великий путешественник ибн

Фалдан, да не пресытится он ласками райских гурий во веки веков, когда в своих трудах описывал викингов и русичей не разделяя их на два народа! – неизвестно почему обрадовался аль Хусейн, но тут же скривился, когда раб, перевязывавший его ногу, неосторожно задел рану, – Эй, —полегче, смотри не слишком перетягивай. Вот так. А теперь осмотри моего спасителя, без которого вся нанятая мной охрана не смогла бы одолеть этих шакалов.

– Почтенный Салим аль Хусейн слишком высоко оценил мою подмогу...

– Об этом, отважный Велеслав, предоставь судить мне. Позволь моему рабу осмотреть тебя, он понимает в медицине больше, чем многие лекари, мыслящие себя знатоками.

Пришлось стянуть кольчугу и насладиться видом черно-багровых узоров на моем немилосердно саднящем плече. Слава богу, что удар был скользящим... Впрочем, разглядывать синяк мне совсем не хотелось, и пока раб-медик возился с плечом, смазывая его какой-то пахучей мазью, я усиленно пытался углядеть свою спасительницу. В этом желание Велеслава определенно совпадало с моим, так как он начал вертеть головой направо и налево, пока мы не увидели тонкую женскую фигурку, конвоируемую двумя купеческими телохранителями. Саблю у нее, конечно же, отобрали, но руки были свободны. Пока.

– Слышал я про чудеса Востока, уважаемый аль Хусейн, но никогда и представить себе не мог, что своими глазами

увиджу подобное чудо. Жены викингов храбры и выносливы, подстать своим мужьям, но ни одна из них не дерзнула бы прикоснуться к мечу. Ужели все ваши женщины так искусны в битве?

– Да хранит нас от этого Аллах, юноша! Наши жены не смеют показаться на людях с открытым лицом и беспрекословно подчиняются своим мужьям. Та, что ты ошибочно принял за правоверную, всего лишь обыкновенная язычница из маленького племени, что кочует в низовьях реки Танаис, которую у вас называют Дон. Мы схватили ее в степи, когда она пыталась угнать моих несравненных коней. Это стоило жизни двум лучшим моим рабам!

– Ужели все женщины этого племени сражаются так же, как она? Ведомо мне, что много лет назад далеко на юге жили воинственные племена, состоящие из одних женщин. Они даже выжигали себе одну грудь, дабы не была помехой при стрельбе из лука...

– О, воистину аллах послал мне еще одну удачу – образованного собеседника. Откуда в вашей северной глуши могли узнать об амазонках?

– Я – всего лишь простой воин, почтенный аль Хусейн, и знаю лишь то, что поведал мне хёвдинг Освальд, избородивший все полуночные и полуденные моря.

– Нет, мой спаситель, не думаю, что все женщины ее племени постигли искусство вооруженного боя. Иначе слух об этом разнесся быстрее самума.

В этот момент девушку подвели к нам, и я, наконец-то, смог хорошенько ее разглядеть. Совсем еще девчонка, лет шестнадцати. Невысокая, худощавая, с большими чуть раскосыми карими глазами, в которых вспыхивали злые огоньки, всякий раз когда она смотрела на араба. Тонкий прямой нос и упрямый чуть выдающийся подбородок, резко контрастировали с пухлыми чувственными губами. Взрывоопасная смесь. Нужно будет как-то отблагодарить ее за спасение, а потом... А потом наши глаза встретились.

Когда с большим трудом я отвел взгляд, чтобы уставиться на свои испачканные чужой кровью сапоги, мой мозг оказался в состоянии выдать одну-единственную членораздельную мысль: «Не отдам!». Конечно, не отдам! Разве можно страждущему в пустыне путнику отказаться от глотка воды, от прохладной тени, от ласкающей глаз зелени оазиса... Фу, ты, черт попутал, прямо как араб заговорил... Никогда в жизни не чувствовал себя так странно! Даже мое переселение в чужое тело казалось обычным, по сравнению с обрушившимся на меня потоком эмоций. Избитая фраза романистов «влюбился с первого взгляда» не выражала ровным счетом ничего, по сравнению с моим, неожиданно возникшим чувством. Когда на остывающие угли проливается бензин... Нет, не так. Когда просыпается дремавший тысячелетия вулкан... Нет! Когда расколов пространство и время вспыхивает сверхновая... Стоп. Все это жалкие попытки передать, то для чего в нашем мире еще не придуманы слова (или мы их

просто забыли?). Короче, я – не я, если как угодно серебром ли, силой, хитростью, не сумею освободить ее. А там видно будет.

– Почтенный аль Хусейн, оказал бы мне большую услугу, если бы расспросил эту девушку, где она выучилась так владеть мечом, – голос Велеслава был ровен, но я понял, что не одинок в своем безумии.

– Не думаю, что смогу удовлетворить твое любопытство. За три полные луны, что прошли с того времени, как мы пленили эту дикую кошку, она не ответила ни на один мой вопрос. Я даже до сих пор не знаю, ее имени. При том с моими рабами она переговаривается на 5 известных мне языках.

– Стало быть, ты поняла меня, – обратился я к девушке, – Можешь ли показать на что еще способна эта нежная ручка?

Пристально глядя ей в глаза, я тихонько притронулся к тонкой девичьей руке. Если она сейчас ее отдернет... Не отдернула, только вздрогнула слегка. А я будто почувствовал слабый электрический разряд, проскочивший между нами.

– Пусть принесут мой кинжал и яблоко, – повелительным тоном, словно она не пленница, а, как минимум, принцесса заморская, приказала девица.

Араб от удивления потерял дар речи и только открывал и закрывал рот.

– О каком кинжале говоришь? – спросил я.

– Они забрали мой кинжал. Пусть принесут и я покажу. Ее речь была отрывистой, с сильным акцентом.

– Принеси ее кинжал, – обратился араб к одному из охранников, – Ты снова удивил меня Велеслав! Я не слыхал от нее ни слова, а тебе она согласилась показать свое искусство... Вот что значит пригожий молодец!

Меня так и подмывало возразить, но тут принесли яблоко и кинжал, и я на время забыл обо всем, включая саму девушку. Такой кинжал мне не встречался никогда, Велеславу видимо тоже. Вызывавшее улыбки коллег, увлечение холодным оружием все же сослужило мне службу. Больше всего кинжал напоминал *бичву* – кривой индийский кинжал с обратной заточкой, только меньших размеров. Очевидно, делался специально под женскую руку. Был он, однако, не стальной, а бронзовый, с вычурными медными украшениями – типично женское оружие. Но почему бронза? Неужели бронзовый век?

Тем временем, Салим аль Хусейн осторожно передал кинжал и яблоко в руки новой амазонки. Охрана напряглась.

– Глядите! – воскликнула девушка, и резко подкинула яблоко вверх. На какое-то мгновение мне показалось, что она кинжалом рисует вокруг падающего яблока замысловатый узор, но через секунду, когда упавший плод развалился на восемь ровнехоньких долек, я смог только удивленно чертыхнуться. Точно так же как и все остальные. Велеслав же, видимо, решил до конца, играть роль невозмутимого, все повидавшего воина, и сумел скрыть свое удивление. Но не от меня. Сказывалось наше вынужденное общежитие. Нужно

отметить, что в моей голове потихоньку начинала возникать путаница, и все трудней становилось отличить мысли Игоря Семенова от дум Велеслава. Вероятно, два сознания начинали потихоньку *сливаться* в нечто единое, обладающее отличительными чертами каждого – благо особых противоречий в наших характерах не наблюдалось, иначе ...

– Ты, верно, хорошо умеешь стряпать, коли так искусна с ножом, – рассмеялся Велеслав (и когда только успел нахвататься от меня иронии).

– Повтори, коли сумеешь, – ничуть не обиделась девушка и протянула мне кинжал рукояткой вперед.

Я заметил, как с облегчением вздохнули араб и телохранители, взял кинжал и, взвесив в руке, ответил:

– А и повторил бы, только мелковат он для меня. Руке ухватиться не за что, да и яблоки переводить жалко. Почтенный аль Хусейн обещал мне в награду, все, что я ни попрошу, – без всякого перехода обратился я к арабу, – Отдай мне свою пленницу, и будем считать, что ты с лихвой отплатил мне за подмогу.

– Молодость, как степная кобылица неудержима в беге своем ... – ни с того ни с сего процитировал Аль Хусейн, – Тырываешь мне сердце своей просьбой, ведь я рассчитывал очень выгодно продать ее в западных землях! Но без тебя это сердце могли уже сто раз расклевать вороны. К тому же слово Салима аль Хусейна – не пустой звук. Она – твоя и этому свидетели мои люди, стоящие здесь. Однако, как чест-

ный торговец, должен тебя предупредить о качестве товара: у нее дурной нрав, кривые ноги от езды верхом с детских лет, очень маленькая грудь и ...

Не успел он закончить перечисления всех изъянов моего приобретения, как девчонка одним прыжком покрыла разделявшее их расстояние, и, конечно, наделала бы глупостей, не вмешайся я своевременно. Обхватив поперек туловища извивающеюся и вопящую фурию, я отвесил ей пару шлепков пониже спины, что, однако, ничуть не охладило ее воинственный пыл.

– Шакал питающийся чужими объедками! Чтоб ты проглотил свой поганый язык! Это у меня кривые ноги?! У меня маленькая грудь? Да ты их и не видал никогда, мужеложец! Ты...

Пришлось покрепче зажать ей рот ладонью, иначе у араба вполне могло иссякнуть терпение.

– Прими мои извинения, уважаемый аль Хусейн. Моя награда слегка повредилась в рассудке. Но у русичей есть верное средство, для таких случаев – холодная речная вода. Она поможет привести несчастную в разум. Позволь же мне удалиться.

– О, разумеется, мой спаситель, разумеется, – едва сдерживая раздражение, согласился араб.

Подхватив поудобнее брыкающуюся и мычащую награду я быстрым шагом пошел к ближайшему ручью, позабыв удивиться тому, что точно знаю, где именно он находится.

Холодная вода и впрямь сделала свое дело. Через каких-нибудь четверть часа мы мирно сидели на нагретом солнцем валуне, и я слушал историю Асмир (так она называлась) лишь изредка прерывая ее для уточнений некоторых деталей.

– Араб сказал, ты из племени, что кочует в низовьях Дона. Как называете вы свой народ? Хазары, иль печенег?

– Нет, – она перевела дух и выдала ненавистное слово, – господин. Наше племя так мало, что у других не осталось в памяти его названия. Сами же мы называем себя асами.

– Занятно, асами викинги зовут своих богов. Так ты, выходит, богиня? Быть может богиня воров?

– Ложь! Все это ложь! – Она взвилась как ужаленная. – В племени нашем и слова такого не ведают – вор. Я, глупая, всего лишь хотела поближе разглядеть этих самых прекрасных в мире коней. Но тут на меня набросились со всех сторон, связали, увезли...

– И ты убила двоих сильных рабов...

– Да! Убила бы и больше, но у меня кроме кинжала ничего не было!

– Почему? Коли женщины твоего племени такие же воины как ты, то должны всегда быть при оружии.

– Наши женщины перестали быть воинами многие и многие зимы назад. Когда-то нас было много, и каждая девушка могла выйти замуж лишь тогда, когда уже убила двоих врагов. Ныне же наши женщины-воины спят в высоких курга-

нах. Только в роду вождя девочек учат сражаться. Но по сию пору ударить женщину нашего племени не может ни один мужчина, кроме отца, если она еще не вышла замуж.

– А ты уже замужем?

– Нет.

– Стало быть твой отец на радостях до синяков поколотит тебя, когда ты возвратишься домой.

– Как это домой?

– Так. Я отпускаю тебя, ты не рабыня мне и можешь отправляться на все четыре стороны.

Видимо человек с высшим образованием неуютно чувствует себя в шкуре рабовладельца, а через десять дней мы уже выйдем в море. Куда я с ней? Обрести и потерять, как и было уже сказано... «Ах, ты старый козел, – прикрикнул я на себя, – на малолеток уже западать начал! Седина в бороду, – бес в ребро?» То, что в это время и на Руси, а тем более на Востоке, шестнадцать лет – самый брачный возраст, я старался не вспоминать. У Велеслава, наверное, были и другие неясные мне причины освободить Асмир, но вот реакция на собственные слова у нас была идентичной. Никогда бы не подумал, что произнеся эту фразу, я причиню себе такую боль. Заныло где-то за грудиной, горло сдавил спазм. Ни дать, ни взять полосуешь по живому тупым ножом. Но еще удивительней была реакция Асмир. Она гордо выпрямилась и, вскинув голову, звонко произнесла:

– Мой господин не доволен покупкой? Быть может, его

смущают мои кривые ноги или маленькая грудь? При этом она одним движением скинула свою просторную рубаху, обнажив прекрасной формы грудь вовсе даже и не маленькую.

Я всегда плохо понимал женщин. А эту видимо не пойму никогда. То она жизнь готова отдать, лишь бы не стать рабыней, то возмущается, что ее отпускают на свободу. Где тут логика, я вас спрашиваю?

Чувствуя, что Асмир вот-вот разревется, я поспешил ответить:

– Ты спасла мне жизнь, я должен был отплатить тебе. И, одень рубашку, вон араб на тебя уставился.

Уловка сработала безотказно. Асмир моментально облачилась и принялась вертеть головой в поисках глазастого араба, а, не найдя, перевела взгляд на мою ухмыляющуюся физиономию.

– Ты тоже спас мне жизнь, господин. Но теперь отнимаешь ее. От мест, где кочует мое племя, мы добирались сюда больше трех лун. Далеко ли я сумею дойти одна в чужой стране? Да за ближайшим поворотом меня будут поджидать те разбойники, которых мы разогнали. Господин подумал, что они сделают со мной?

– Да не могу я взять тебя на корабль! Этот поход будет самым трудным. Мы не торговать, а воевать идем. Женщина на боевом корабле! Да меня засмеют, едва я заикнусь об этом!

– Мой господин...

– Да какой я тебе господин! Повторяю, ты больше не ра-

быня. Зови меня Велеславом. Ладно. Может найду, куда тебя пристроить в Хольмгарде. Есть там у меня родня... Эх, как я еще все это Освальду объясню? Ведь везти тебя туда, опять-таки на корабле придется... Может лучше с арабом договориться? Он в ту же сторону направляется...

– Ужели ты думаешь, что он не продаст меня при первом удобном случае?

– Вот ведь пристала, как банный лист! Добро! Паду в ноги Освальду. Авось не слишком осерчает... А пока давай возвращаться. До места с караваном пойдем. Так верней будет. У меня тоже эти людишки лихие из головы не идут.

– Велеслав... – робко попросила Асмир, – мой кинжал...

– Что, кинжал?

– Это кинжал моих предков, я не могу видеть его в чужих руках...

– А ты не гляди, – буркнул я. Вот она – женская благодарность! Такой девице палец в рот не клади, по локоть руку откусит. Теперь еще ей и кинжал подавай!

Бормоча про себя какие-то проклятья, я подхватил ее под руку и потащил обратно на поляну. Караван был уже готов тронуться в путь. Араб пытался с помощью раба взгромоздиться на своего арабского жеребца, но раненая нога всякий раз его подводила. Оставив Асмир на краю поляны, я подошел к нему и почтительно поклонился.

– Дозволит ли мне почтенный Салим аль Хусейн проделать часть пути со своим караваном?

Бросив свои тщетные попытки сесть в седло, купец благосклонно кивнул и я продолжил:

– Осмелюсь обратиться к почтенному с еще одной просьбой...

Араб заинтересованно взглянул на меня, и я решился:

– Кинжал моей рабыни остался у почтенного аль Хусейна. Могу ли я выкупить его?

– Ну, разумеется, храбрый юноша, только...

Достал он меня этим «храбрым юношей», неужели не может по-человечески говорить!

– Только сумеешь ли ты возместить мне его стоимость?

Не вдаваясь в долгие разговоры, как говориться, – торг здесь не уместен, я снял с шеи серебряную гривну, подарок Освальда, и молча протянул купцу. Если откажет, плюну и уйду, обойдемся без кинжала.

– Из тебя вышел бы неплохой купец, Велеслав. Ты верно угадал цену этой старинной вещи. – промурлыкал довольный Аль Хусейн. И, вопреки моим опасениям, сейчас же приказал принести кинжал.

Пока рабы искали острую вещицу, араб принялся советовать с проводником, где лучше устроиться на ночлег. Проводник, косоглазый рыжий малый, все чего-то терся и мялся, предлагая то одно место, то другое. В конце концов, арабу надоело и он наехал на проводника, сказав, чтобы тот выбирал быстрее иначе за свои труды не получит ни единого дирхема.

– Есть тут неподалеку одно местечко, как раз к темноте поспеем, – вынес свой вердикт проводник. Что-то в его голосе мне не понравилось, слишком уж он бодро он это произнес. И тут же перевел дух, будто гору с плеч свалил. К чему бы это? Дорогу позабыл что ли?

Но тут принесли кинжал, и я напрочь выбросил из головы странноватого Сусанина. Приняв клинок, милый сердцу моей бывшей рабыни, я еще раз поблагодарил Салима и удостоился чести быть приглашенным в его шатер, как только мы остановимся на ночлег.

Дальнейший наш путь протекал без особых приключений. Асмир бодро вышагивала рядом со мной, по извечной женской привычке засыпая меня градом вопросов. Мое любопытство тоже не дремало, и я потихоньку вытягивал из нее информацию, касающуюся главным образом ее путешествия. Нужно же мне было выяснить, какой у нас век на дворе?

– Ты говорила, вы через Киев проезжали? Здрав ли тамошний князь?

– Слыхала, что князь, Владимир, здоров телесно, но душа его страждет. Не угодны ему более ваши прежние боги. Теперь он кланяется Распятому. Жрецов из Византии привлекает. Им в угоду даже гарем свой распустил...

– Это он зря. – вырвалось у меня ехидное замечание.

А сам все пытался припомнить, когда было крещение Руси? X век? Господи, да какая разница, десятый, девятый или

одиннадцатый? Что мне с Асмир делать? Вот в чем вопрос. Пора признаться самому себе, что с самого начала воспринял ее, как свою вторую неизвестно, где шлявшуюся, половину. И, она, кажется, чувствует нечто похожее. Вон как бойко лопочет со мной, ни дать ни взять, тыщу лет знакомы. Н-да-а-а. Именно что тысячу. Я себя здесь таким стариком ощущаю... А ей шестнадцать всего. Она есть маленький кляйнер – в дочки мне годится. Стоп. Сколько же Велеславу? Араб меня через слово юношей обзывал, но борода растет отнюдь не юношеская. Эх, зеркала нет, поглядел бы каков я в этой жизни.

Мысль о том, что мое «Я» находится сейчас в одном из своих предыдущих воплощений, не давала мне покоя с самого начала. Какая бы бредовая она не была, но иного объяснения я пока не видел. То, что наши с Велеславом сознания постепенно объединялись в одно целое меня не смущало. Напротив, было очень приятное чувство, что я обретаю именно те черты, которые в силу различных причин так и не смогли должным образом проявиться во мне. «Наконец-то, повернусь к миру другой своей гранью. Не человек – стакан граненый», – ершился я по старой привычке. Кстати, о стаканах. Нет ли тут поблизости, какого-нибудь ручья. Что-то душно стало, видать к грозе. Услужливая память подсказала, что за ближайшим поворотом из под корней огромной, в три обхвата березы бил чистейший родник, от леденящей воды которого ломит зубы даже в самую крутую жару. Мальчиш-

кой, я часто засиживался в густой тени великанского дерева и грезил непонятно о чем...

Ага, значит я уже воспринимаю воспоминания Велеслава, как свои собственные. Интересно, а как чувствует себя он? Неужели ему мерещатся мигающий монитор в моей лаборатории, сорванец Денис, околачивающий вместе со мной боксерскую грушу, расчесывающая волосы Ольга. Ольга... Впервые с момента моего появления здесь я вспомнил о ней. Как же, не до того было – бой, Асмир, любовь-морковь. Неужели я больше ее не увижу? Что-то горячо плеснуло в груди; надо же, а я думал, что все давно остыло... Ошибочка вышла, однако. Только как же Асмир?

Ничего не подозревающая о моих метаниях Асмир продолжала жизнерадостно щебетать про то, как князь Владимир приказал сбросить в Днепр деревянного идола Перуна в месте с десятком менее почитаемых русичами богов. Что-то в этой истории с кадровыми перестановками внутри божественной иерархии больно царапнуло намеком на мои собственные проблемы. Ладно, проехали. В смысле – приехали. Вот она поляна с родником.

– Добрались, – обрадовано сообщил проводник. – Здесь и заночуем.

– Ставьте шатры, – приказал араб, и, повернувшись в нашу сторону, добавил. – Сегодня вечером ты – мой гость, Велеслав. Тебе приготовят отдельный шатер, чтобы ты мог как следует отдохнуть от ратных трудов. А после я буду ждать те-

бя в своем скромном шатре, дабы насладиться беседой и ароматным вином. Эй, осторожнее! Не смей его взбалтывать, нечестивец! – прикрикнул он на раба несущего два больших кувшина. – Великий грех, для правоверного – пить вино, но отказаться от него – великая глупость.

– Благодарю за приглашение, почтенный аль Хусейн. По счастью наша вера не запрещает веселить душу и тело хмельным.

– Я пришло за тобой, когда зайдет солнце. А пока воспользуйся моим гостеприимством – располагайся. Думаю, ты не будешь скучать в ожидании, – усмехнулся араб, покосившись на стоящую возле меня девушку.

Вместо ответа я поклонился, радуясь, что у Асмир хватило ума и выдержки промолчать. В суматохе разбиваемого лагеря мы проследовали к выделенному для нас шатру, в котором обнаружили две удобные лежанки, покрытые довольно чистым небеленым полотном.

Я стянул с себя кольчугу и с наслаждением вытянулся; все-таки день сегодня выдался не из легких даже для моего не избалованного излишествами тела. Асмир присела было на соседнюю лежанку, но тут же вскочила.

– Скоро вернусь! – бросила она и пулей вылетела из шатра. Или мне следовало сказать: стрелой? Куда ее черти понесли? Оставив вопрос висеть в воздухе, я прикрыл глаза и начал проваливаться в сладкую дрему. Белый туман замаячил перед глазами. Нет, надо проснуться. Что-то не так, что-

то не...

Проснулся я от громкого покашливания. Какое-то время не мог понять, где же нахожусь – темнота, хоть глаз коли. Потом послышалось шуршание материи и перед глазами образовался кусок потемневшего почти до полной черноты неба с яркими иглами звезд. Грубый голос стоявшего у входа телохранителя проинформировал:

– Салим аль Хусейн ожидает доблестного Велеслава в своем шатре.

– Передайте почтенному, что я скоро буду. – отозвался я.

Телохранитель растворился во тьме, а я быстро огляделся в поисках моей не в меру приткой спутницы. Не нашел и выругался: вот, черт, сбежала! Ладно, не маленькая, знает, что делает. Ничего с ней не случится. А если случится... Вот ведь проблема ходячая, с некривыми ногами... Ладно, без паники. Араб ждет, – воспользуемся же его приглашением. Только будем очень осторожны. Особенно в вине.

Войдя в шатер, довольно сносно освещенный расположенными по углам лучинами, я сразу уставился на очень низкий округлый столик с многочисленными, аппетитными кушаньями. Рот моментально наполнился слюной, а в желудке сыграли всеобщую побудку. Весь долгий и хлопотливый день у меня маковой росинки во рту не было. Салим аль Хусейн вальяжно расположившись у дальней стороны стола, покуривал кальян и понимающе мне улыбался.

– Садись, храбрый Велеслав, отведай моего скромного

угощения.

– Благодарствую, – ответил я, и сел поджав ноги, подражая арабу.

Ничего себе скромное угощение! Кроме четырех видов мяса и дичи я насчитал не менее дюжины плошек с разными закусками и закусточками. Наши чаши уже были наполнены вином, а два кувшина ожидали своей очереди на отдельной подставке. Тщетно поискав глазами тарелки и приборы, я вспомнил, что вилки еще не изобретены, и вытащил из ножен свой кинжал, с помощью которого надеялся смести со стола все до чего смогу дотянуться.

– Пью за своего избавителя, – вопреки всем восточным обычаям сразу взял быка рога аль Хусейн. Что ж, под такой тост грех не выпить. Но будем осторожны, еще неизвестно какое это вино. Насколько мне помнится, именно арабы подарили человечеству спирт.

Я молча склонил голову в ответ и пригубил из своей чаши... М-м-м, вот это да! Я, конечно, не специалист в области винопития, но могу сказать, что такого вина в жизни не пробовал. Оно пьянило и бодрило одновременно, оставляя на губах привкус каких-то восточных пряностей. В общем, не вино, а сказка Шахерезады. Не захмелеть бы раньше времени, – закусывай, Велеслав, закусывай. Эти вина, штука коварная, чуть зазеваешься, а ноги уже и не идут. Потекли блаженные минуты – мы ели, пили и говорили ни о чем. Так продолжалось довольно долго...

Странно. Моя рука с кинжалом, на котором висел кусок исходящего соком мяса, почему-то сбилась с маршрута и безвольно упала на заваленный костями стол. А голова видимо решила рассмотреть наколотое мясо вблизи, и стала клониться все ниже и ниже. Эй, Велеслав, ты что, уже напился? Рановато после всего лишь шести чаш. Эй-эй, да я никак падать собрался? И тут мне стало страшно, – я понял, что Велеслав отключается, а я ведь не могу контролировать тело самостоятельно. Вино отравлено? Старый арабский хрыч решил таким образом отблагодарить своего спасителя? Тут краем глаза мне удалось заметить, что араб выронив чашу, уткнулся лицом в какой-то салат (до боли знакомая картина) и громко по-молодецки захрапел. Значит, в вино всего лишь подсыпали сонного зелья. Всего лишь! Да мы сейчас такая легкая добыча – бери, кто хочет. Не зря мне косоглазая рожа проводника не понравилась. Сговорился, видать, с разбойничками. Даже место для ночлега выбрал так, чтобы им награбленное далеко не таскать, не мучиться. А может быть и не он один с ними в долю вошел. Блеск арабского золота еще кое-кому ослепил глаза и совесть.

Словно в подтверждение моих слов, от входа донеслась приглушенная возня и тихое такое бульканье, от которого мороз пошел по коже. Так, охрану уже сняли, сейчас войдут и чик-чирик ножом по горлу. Или мечом. Мне уже будет все равно чем. Сознание Велеслава спит, телом я управлять не могу... Что же вот так просто ждать старуху с косой?

Хренушки! Смешав в сумасшедший коктейль волю и жажду жизни, любовь и ненависть, я сконцентрировался на руке с чудом не выпавшим кинжалом, и попытался ею пошевелить. Получилось! Но чувство было такое, будто я пытаюсь сдвинуть с места груженный «Камаз». О'кей, значит мы еще посмотрим... Теперь ноги. Левая... Правая... Нет встать, а тем более идти, у меня не вышло. Максимум на что я оказался способен, это передвигаться на четвереньках. Представляю, какое это было уморительное зрелище, вот только смеяться почему-то не хотелось. Быстрее к задней стенке шатра. Еще быстрее... Время спрессовалось в упругий леденящий поток, который мне приходилось раздвигать при каждом движении. Вот она стенка, из плотной узорчатой ткани. Теперь прорезать кинжалом дыру... Почему они медлят? Хотят убедиться, что мы оба в отключке?

Холодный ночной воздух, казалось, придал мне сил. Я уже был на полпути к спасительным кустам, когда почувствовал всю тщетность моих усилий. В лагере царила суматоха, кто-то успел поднять тревогу, но было уже слишком поздно. В свете горящих костров и факелов нападавших, бестолково метались черные тени, уже потерявшие всякое сходство с живыми людьми. Вскоре они перестанут быть живыми... И я составлю им компанию, потому что один из разбойников последовал за мной через дыру в шатре. Я услышал его приближающееся хриплое дыхание, и даже спиной ощутил, как он замахивается ножом. Ни повернуться, ни увернуться я уже

не успевал. Даже испугаться как следует не получилось, – видимо снотворное подействовало и на меня.

Мне оставалось только упасть ничком, ни на что особо не надеясь, но просто так дать себя зарезать было выше моих сил. Клинок направленный в сердце не нашел его там где ожидал, и по инерции пролетел вниз; я почувствовал, как он вошел в тело где-то в районе левой почки. Разбойник возмущенно зарычал, вырвал нож и снова замахнулся... Теперь все. В ожидании удара я сжался, но вместо хруста рассекаемой плоти услышал его приглушенный вскрик, быстро перешедший в квохтанье. Из последних сил повернув голову, я увидел в колыхающемся свете силуэт Асмир с кинжалом в левой руке, правой она пыталась зажать мою рану какой-то не слишком чистой тряпицей. «Если не умру от потери крови, то здешняя антисанитария все равно меня доконает» – мелькнула непрошенная мысль.

Пока Асмир возилась с раной, я вновь попытался оглядеться. Разбойники не брали пленных и добивали раненых. Очаги слабого сопротивления слишком быстро угасали, и цепь факельных огней неумолимо приближалась к нам.

– Бежим, – потянула меня за руку девушка, – Вставай же.

Я честно попытался подняться, и что самое удивительно мне это почти удалось. Асмир перехватила мою руку, закинула себе на плечи. и побрела задыхаясь под непосильной ношей. Ясно как день, что надолго ее не хватит. Ноги путались в невысокой пожухлой траве как в колючей проволо-

ке, холодный пот заливал глаза; я чувствовал, как с каждым толчком сердца жизнь вытекает из меня вместе с парившей на холодном воздухе кровью.

– Куда идти? – спросила моя санитарка, в очередной раз остановившись, и обессилено прислонившись к дереву.

«А я почему знаю» – подумал я, и молча махнул рукой куда-то в бок. Почему-то мне показалось, что нам туда.

Метров через триста, когда я уже был не в состоянии сделать ни единого шага, мы остановились перевести дух. Быстрый взгляд назад показал, что кружение огней из хаотичного перешло в упорядоченное, и что расстояние до них постепенно сокращается. Значит, идут по нашу душу. Прислушавшись, я даже различил высокий молодой голос:

– Добудьте мне этого Велеслава живым! За то, что убил батюшку, кожу с него сдеру и пушу себе на сапоги! Ищите! Кто найдет, – половину моей доли получит.

Больше разобрать было ничего нельзя, – все потонуло в радостных криках разбойников. Значит, сынок за папашу-главаря со мной рассчитаться решил. Надеюсь, что к тому времени как они нас догонят (а что догонят, я уже не сомневался), успею истечь кровью. Перспектива остаться без кожи на пронизывающем холодном ветру меня не радовала, простыну еще, не дай бог... Ладно шутки в сторону. Нужно отослать Асмир. Одна она еще сможет от них оторваться. Вот только как этого добиться? Любые фразы типа «Брось, брось меня. Уходи.» разобьются об ее фанатичное упрям-

ство. Конечно, я могу не сделать больше ни одного шага, изобразить обморок и упасть... Кстати, еще шагов десять и изображать ничего не придется, – однозначно рухну без сил. Но в этом случае она, скорее всего, просто усядется рядом, и будет ждать, сжимая в руках кинжал своих героических предков. Никуда не годится. Тут меня посетила гениальная идея. Я собрался с силами, и прошептал с трудом подбирая слова:

– Асмир. Слушай меня внимательно. Вместе нам не спастись... Здесь неподалеку живет старик, он ... Как это?.. Кудесник, колдун. Ты должна привести его сюда... Он поможет, собьет погоню со следа... Торопись.

Вообще-то когда я нес эту ахиною, то очень сомневался, что она мне поверит, но ничего другого придумать был не в состоянии. К моему удивлению, Асмир приняла все за чистую монету, и также шепотом переспросила:

– Куда идти?

Я махнул рукой в направлении самой густой чащи и с облегчением вздохнул, когда ее тонкая фигурка исчезла среди стонущих под ветром деревьев. Начинался дождь. Наверное, будет буря. Я со стоном опустился на траву и постарался поудобнее привалиться к шершавому древесному стволу. Преследователи перекрикивались в каких-нибудь ста метрах. Скоро, уже скоро... В руке был все еще зажат кинжал, но воспользоваться им не хватит сил. Тело быстро коченело, исхлестанное холодными дождевыми плетями. Пожалуй,

мне действительно повезет, а разбойники так и не получают награду, обещанную за живого Велеслава. Сквозь смыкающиеся ресницы я смотрел на радужные пятна приближающихся факелов, и в какой-то момент мне показалось, что они постепенно начинают смещаться в сторону. Их становилось все меньше, крики слышались все дальше... Странно. Сбиться с четкого кровавого следа они не могли даже в темноте. Тогда почему...

– Вот он, дедушка. – голос Асмир слышался из страшного далека. С кем это она разговаривает? Передо мной сгустилась изломанная тень, едва различимая на фоне дождевой завесы.

– Давненько мы не видались, Велеслав, – сказал старый волхв, – я уж думал, ты и дорогу ко мне позабыл...

Не успев удивиться неожиданному спасению, я облегченно вздохнул и потерял сознание.

Сначала вернулись звуки. До меня доносилось потрескивание поленьев в очаге, вой ветра и тихий голос Асмир:

– Я вышла из шатра, чтобы как следует смыть с себя грязь и кровь, отстирать одежду. Совсем неподалеку от родника было маленькое озеро, откуда люди аль Хусейна брали воду для лошадей. И я, стараясь не попадаться никому на глаза, пошла на его дальний край – подальше от любопытных.

Тут девушка замолчала, и старый волхв был вынужден спросить:

– Что же случилось после?

– После я слышала голоса. Двое мужчин переговаривались совсем рядом. Я различила голос нашего проводника. Другой был мне незнаком. Они говорили о ночном нападении на лагерь. О том, что подмешают в вино араба сонного зелья, и о том, что Велеслава велено взять живым. Я очень испугалась...

– За него?..

– Да, за него. За себя я уже разучилась бояться. Стала тихонько пробираться назад, да ненароком наступила на сушок...

– И тебя услышали. Верно?

– Куда верней! Они в лесу, как у себя дома, а я в степи росла. Живо догнали, я даже кинжал из сапога выхватить не успела. Заткнули рот, оттащили еще дальше и принялись привязывать к дереву, но обыскивать не стали. И тихо так посмеивались: ее, мол, тоже в живых надобно оставить – пригодится. Одно я лишь сумела – прикинуться обеспамятевшей. Падаю, из рук выскальзываю... Ругались они, ругались, а после посадили на землю и наспех примотали веревками, потому что слышали, как стали проводника в лагере кликать.

– Кто ж освободил тебя, дитятко?

– Сама. И так извивалась, и эдак, только к ночи из пут выпросталась. Бегу к лагерю и вижу – опоздала. Я к шатру Салима, гляжу: Велеслав ползет, и разбойник над ним ножом замахивается. У меня словно крылья на ногах выросли.

Успела, хвала Огню небесному и земному...

– Твое племя поклоняется Огню? – в вопросе волхва за версту был слышен профессиональный интерес.

– Да, так учил пророк Заратуштра.

– Что ж и у нас на Руси почитается Огонь Сварожич. Только я другому богу служу – Велесу.

В разговоре возникла пауза, и я кожей ощутил, как вспыхнул в Асмир огонек недоверия, если не сказать страха. Вот уж чего не ждал от отважной гордячки.

– Прости неразумную, коли по незнанию обижу тебя, старче... Но когда мы проезжали через Киев, стольный град земли вашей, слыхала я, будто Велес божество злое и для людей пагубное...

– То все неправда, дитяtko, – вздохнул старый волхв, – Велес не зол и не добр, в нашем скудном людском разумении. Как не бывает злой или доброй вода, питая посевы и смывая жилища, как не бывает злым или добрым огонь, согревая в лютую стужу и сжигая дотла целые города. Так и Велес – он скотий бог, бог леса и поля, торговли и богатства. Он ведет мертвых и исцеляет живых. Мы волхвы исстари его слуги. Стольный князь Владимир решил, что может возвысить одного бога и запретить другого. Так он возвеличил громовика-Перуна, одного среди равных. Идола же мудрого Велеса, что прежде стоял на Подоле пустил вниз по реке Почайне, будто похоронил старика. А теперь Перун сам последовал за ним, и Распятому молятся в стольном Киеве. Но не у нас.

Негоже отворачиваться от Богов своих пращуров, они тоже могут отвернуться. Как отвернулся Велес от Велеслава.

– Может ли это быть? – удивилась Асмир.

А мне, недвижно лежащему на застеленной шкурами лавке, вдруг стало ясно, что старик говорит чистую правду. Когда-то я был здесь частым гостем. Таким частым, что даже сейчас, умирающий от потери крови, чувствовал себя как дома. Спокойно и радостно.

– Мать Велеслава долго не могла разродиться. Ребенок должен был умереть, да и сама она тоже. Тогда-то и призвали меня. Лекарская сноровка моя была тут бессильна, оставалось лишь просить помощи Бога. И я стал просить. Он долго не отвечал, а когда ответил – повелел, чтобы ребенок был с малолетства посвящен ему. Потому и дали благополучно родившемуся мальчику имя Велеслав – славящий Велеса.

– И он помог нам сегодня?

– А-а-а, ты поняла... Да, помог. Несмотря на то, что Велеслав, который должен был стать волхвом и сменить меня в этом святилище, отказался от своего служения, и отдал себя драчливому Перуну. Он считал, что только так может вернуть долг старому Освальду, что заменил ему отца. Но Велесу чужда мелкая ревность, в его владении вечность. Он вновь, как двадцать два лета назад, спас Велеславу жизнь. Иначе, ты не нашла бы дороги к моему жилищу, а кружила вокруг до самого утра. Те, кого Велес не захочет пропустить, не смогут и близко пройти к святилищу.

– Не опоздала ли я? Он такой бледный. И до сих пор не пришел в себя.

– Не знаю, – проворчал волхв, – Кровь-то я заговорил. Но потерял он ее слишком много... Будем ждать. Если доживет до утра – выхожу.

– Можно ли еще что сделать? – дрожащим голосом спросила Асмир. Плачет? Обо мне?

– Можно попытаться, – решился старик.

И тут мне, наконец, вспомнилось как его зовут. Мураш. Нелепое, смешное имя, если не знать, что муравьи издавна считались посвященными Велесу. Я улыбнулся и открыл глаза. В неверном свете очага все вокруг выглядело каким-то нереальным. Голова моя кружилась, и казалось, что рога, беспорядочно натканные в стены избы, исполняют какой-то танец, весьма смахивающий на вальс.

– Очнулся, хвала Велесу! – обрадовался Мураш, – на вот, испей.

И протянул мне благоухающий ковш, в котором за версту угадывались ароматы сосны, мяты, солодки, пастушьей сумки и крапивы. Как я смог различить их, для мне загадка, никогда не имел дела с травами, а вот поди ж ты... Не зря, видать, Велеслав здесь с малолетства ошивался.

Я хотел приподняться, чтобы выпить отвар, но не смог даже повернуть голову. Тогда волхв, бормоча в мой адрес какие-то не особо лестные эпитеты, принес полую камышинку, и чуть согнув, опустил одним концом в ковш, а другой

поднес к моим губам.

– Пей, неразумный. Эк тебя угораздило. Почему сам-то кровь не заговорил? Совсем что ли память потерял? – ворчал он, наблюдая, как я глотаю эту горькую гадость. – Погоди, погоди-ка!

Его глаза, прятавшиеся за седыми кустистыми бровями, вдруг обрели навсегда казалось потерянный цвет, став пронзительно синими.

– Да-а-а, дела-а-а... – протянул он, пристально оглядывая меня с ног до головы. – Никогда еще такого не видел. Сказал бы кто-нибудь – не поверил.

– Что? Что с ним такое? Да не молчи ты, дедушка! Он умирает? – встревоженной пичугой подлетела Асмир.

– Нет. Пока, нет. Я уж решил, будто у меня не ладно с глазами. Вот гляжу на него и вижу не одного Велеслава, а сразу двух. И коли первый спит, убаюканный сонным зельем, то второй... Вот почему ты не смог остановить кровь, ты просто не знал как.

Тут я впервые порадовался, что сил у меня не осталось даже на разговоры. Иначе как бы смог объяснить произошедшее? Сам ведь так ничего и не понял.

А Мураш все зыркал на меня и молча шевелил сухими старческими губами. Потом встал, принес сосновую ветку, запалил от очага и принялся быстро размахивать надо мной, очевидно, решив потягаться в скорости с вертолетным винтом. Звуки, которые он при этом издавал, напоминали од-

новременно шипение разъяренных обитателей серпентария и утробное завывание стаи голодающих волков. Бледная Асмир, ничего не понимая, забилась в самый дальний угол, и невидимая в темноте шептала что-то на своем языке. Может быть молилась.

Казалось попытка экзорцизма, которую предпринял старый волхв, должна была вызвать у меня обычную в таких случаях реакцию, а именно приступ жизнерадостного веселья. Но... Но вместо этого с каждым его взмахом, каждым вскриком, по спине моей пробегали противные мурашки. Что-то тяжело навалилось на грудь, так, что дышать стало практически невозможно, а перед глазами мелькали, как кадры анимационного кино, фрагменты моей тридцативосьмилетней биографии. Наконец, все закончилось. Мураш отложил почти полностью сгоревшую ветку, и тяжело опустился на лавку рядом со мной. Стало очень тихо.

– Как он? – высунулась из угла не на шутку перепуганная девушка.

– Авось выдюжит. Я-то поначалу решил, будто в тело Велеслава вселился дух бесприютный, али еще какая нечисть. Только после всего, что я сделал, он бы уже давно убрался. А их как было двое, так и осталось. И второй, слишком смахивает на первого. Нет. Не понимаю. Не встречалось такого на моем, ох, и долгом веку... Одно средство теперь осталось. самого Велеса просить. Потому как вижу, через прищельца этого жизнь Велеслава утекает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.